

Д•Ж•О•В•А•Н•Н•И
МОНДЖОВИ

REGNUM

Небосвод
Надиры

Giovanni Mongiovì
Небосвод Надирь

«Tektime S.r.l.s.»

Mongiovì G.

Небосвод Надиры / G. Mongiovì — «Tektime S.r.l.s.»,

Сицилия, XI век. Надира, простосердечная девушка из берберской семьи, живет в подчинении у своего брата; она подчиняется ему и тогда, когда ей говорят, что она станет одной из жен эмира города. Но глаза ее настолько необычны и притягательны, что на девушку обращает внимание много претендентов. Вскоре разносится слух, что над девушкой висит проклятие: мужчины, которые встречаются с ней взглядом, не могут не воспылать желанием, не могут не попытаться завладеть ею. Именно глаза Надиры и бескрайний небосвод, о котором они напоминают, станут причиной последней войны, которая вспыхнет на мусульманской Сицилии. Тем временем, грозные нормандские воители братья Готвиль, ждут любого удобного случая, чтобы пересечь пролив и двинуться крестовым походом на мавров. «Существует ли и впрямь что-нибудь настолько неодолимое и несущее проклятие, что порождает в человеке неисцелимое желание при одном лишь взгляде?» Необычайные глаза Надиры словно подтверждают, что так и есть. Сицилия, XI век. Перед нами последние сцены арабского владычества: эмиры самых крупных городов острова воюют между собой, а силы христиан ждут повода для вмешательства в распри, чтобы начать святую войну против врага-мусульманина. Надира, простосердечная девушка из берберской семьи, живет в подчинении у своего брата; она подчиняется ему и тогда, когда ей говорят, что она станет одной из жен эмира города. Но глаза ее настолько необычайны и притягательны, что на девушку обращает внимание много претендентов. Вскоре разносится слух, что над девушкой висит проклятие: мужчины, которые встречаются с ней взглядом, не могут не воспылать желанием, не могут не попытаться завладеть ею. Именно глаза Надиры и бескрайний небосвод, о котором они напоминают, станут причиной последней войны, которая вспыхнет на мусульманской Сицилии. Тем временем, грозные нормандские воители братья Готвиль, ждут любого удобного случая, чтобы пересечь пролив и двинуться крестовым походом на мавров. На этой сцене представлен Конрад, тоже из нормандцев, но вырос он в среде сицилийских христиан. Его тщеславие не знает границ, а желание отомстить мусульманским

властителям сильнее здравого смысла. Судьба Конрада пересечется с «небосводом Надиры» и с тайной, которая кроется за природой ее глаз. Но лишь когда он сумеет открыть что же связывает сердце человека с желанием, которое подчиняет его злу, он сможет одолеть опасность, которую скрывает в себе красота Надиры. Война продолжает свирепствовать, но вот, когда она переходит в столкновение культур и вероисповеданий, из почвы ненависти проклюнулся слабый росток терпимости... — это надежда, которую заронили те, кто сумел обуздать непокой своей души. В обстановке, когда встречается множество культур, рассказ объективный и актуальный, это роман, который любители исторического приключенческого жанра не могут не прочесть.

© Mongiovì G.

© Tekttime S.r.l.s.

Содержание

Предисловие	8
Часть I – Привязанный к столбу чужеродец	9
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	38
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	53
Глава 12	57
Глава 13	64
Глава 14	68
Часть II – Война кайдов	74
Глава 15	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Giovanni Mongiovi

Небосвод Надиры

Джованни Монджови

Небосвод Надиры

Regnum

Роман

Перевод с итальянского

Сицилия, XI век. Надира, простосердечная девушка из берберской семьи, живет в подчинении у своего брата; она подчиняется ему и тогда, когда ей говорят, что она станет одной из жен эмира города. Но глаза ее настолько необычны и притягательны, что на девушку обращает внимание много претендентов. Вскоре разносится слух, что над девушкой висит проклятие: мужчины, которые встречаются с ней взглядом, не могут не воспылать желанием, не могут не попытаться завладеть ею. Именно глаза Надиры и бескрайний небосвод, о котором они напоминают, станут причиной последней войны, которая вспыхнет на мусульманской Сицилии. Тем временем, грозные нормандские воители братья Готвиль, ждут любого удобного случая, чтобы пересечь пролив и двинуться крестовым походом на мавров.

Джованни Монджови родился в 1986 году в Катании. Учился на техническом факультете и сейчас работает в технической отрасли, но больше всего он любит писать. В двадцать один год пишет свой первый роман «Лето Господне 1282», роман опубликован в 2011 году, а в 2017 году переиздан. Следуют романы «Последний муджахид – Истоки ненависти» и «Заговор донов», которые завершают трилогию под названием «Безвременные дни». Во всех романах ощущается его большая увлеченность историей и любовь к своей малой родине; к теме социально-исторической нравственности примешивается самый настоящий приключенческий рассказ, но самая широкая тема его романов – любовь. Роман «Меж тьмой и светом», законченный в 2017 году, стал первой книгой, опубликованной в самиздате. В 2018 году автор приступает к написанию ряда произведений под общим названием «Regnum» и публикуется «Небосвод Надиры» – первый роман этой серии.

Все права защищены.

Ни один из фрагментов данной книги в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав воспроизводиться не может.

© Джованни Монджови., 2020

© Т. Кузнецова (перевод), 2020

© Тектайм, 2020

На обложке: глаза Луаны (любезно предоставлено в пользование);
нормандский щит, Афины, Военный музей.

giovannimongiòvi.com

*Не описать словами, так не стоит
Дерзать и вить несовершенный стих.
Сознание поэзию открывает –
Творение незримых рук Твоих,*

*Что создано умом высоким, страстным
И сердцем безграничным рождено.
Любовь моя, ведь Божьим духом ясным
Пространство вокруг нас напоено.*

*Так возлюбите ж ближнего полнее,
Так воспылайте ж дружеским огнем.
Да возлюблю тебя я все сильнее
Безмерною любовью день за днем.*

Валентине и Томмазо... свет очей моих

Предисловие

Сколь бы не впадали в море тысячи рек, их никогда не станут называть именами вод, в которые они текут, по той разумной причине, что море не может быть причиной существования реки. Таким же образом, начало не может определять, где заложен конец, как не может превзойти его значимостью. Пусть же взглянут на исток реки, на высокие скалы, среди которых она берет начало, пусть изопьют ее вод и на основании того дадут ей название.

Не деяние творит человека, не рука описывает жест, а сердце; там, откуда проистекает первопричина, основание всего. Сутью первородного греха было не сорвать плод, а все прочее, что подтолкнуло на этот жест.

И так, алчность может крыться в чем угодно: в сочном куске мяса, в багровом вине, в очертаниях девичьей стати... или, по крайней мере, таким образом она оправдывает того, кто поддается ей. Но истинно то, что кроется она только лишь в глазах и в сердце человека, который чувствует это снедающее полыхание, то пожирающее пламя, которое есть вожделение.

Средь просвещенных умов тех людей из древнего греческого рода ходила одна легенда, одно из сказаний, которые остались в живых после принятия христианства и после исламского меча. Позвали на битву в защиту троян могущественную амазонку Пентесилею. Красоты она была несказанной, и, как частенько случается в греческих мифах, богини завидовали ей. Вот почему Афродита решила покарать ее самой страшной карой: всякий мужчина, который увидит ее, восплает к ней таким неутолимим желанием, что наверняка попытается изнасиловать. Пентесилея скрывала свои очертания под доспехами сколько могла, но вот во время сражения Ахиллес убил ее и снял с нее оружие и доспехи. И лишь тогда в полную меру открылось, насколько кара Пентесилеи превосходит саму смерть... Ахиллес не сумел воздержаться...

И все же, миф мифом, а существует ли и впрямь что-нибудь настолько неодолимое и несущее проклятие, что порождает в человеке неисцелимое желание при одном лишь взгляде? Красота такой одержимости, что выносит на свет коварство сердца, но красота двойственная, поскольку она также в силах явить благородную добродетель в душах достойных людей.

Изложенное ниже сказание – первое из многих... первое из многих преданий о мужчинах и женщинах и о кровных узах, которые привязывают каждого из них к своему прошлому и грядущему будущему. Это сказание об одной земле, о ее народах, о ее войнах, о ее пороках и дремлющих достоинствах. И все же, следующее ниже сказание – именно первое, и поскольку оно первое, в нем говорится о первородном... а потому, раз говорится о первородном, в нем не может не повествоваться о том же желании, которое изначально привело человека к своему первому греху.

Часть I – Привязанный к столбу чужеродец

Глава I

Зима 1060 года (452 года хиджры), рабад Каср-Йанны

Там, в той долине, где нории¹ никогда не прекращают свой круговорот... там, где раскинулись склоны горы Каср-Йанна... там, на плоскогорье, где рабад²...

Долина у подножия древней Энны тянулась к востоку и терялась за горизонтом; века арабского интеллекта сделали ее более плодородной, чем земля, которой она иначе так бы и осталась. При взгляде на запад возвышался на вершине горы город Каср-Йанна³, пуп Сицилии. Глядя на восток, вниз с плоскогорья, взгляд терялся среди десятков холмов, лесочков, лужаек, пастбищ и речушек... но и среди высоких гидравлических колес, которые могли поднимать воду из долины... и среди каналов, прокопанных, чтобы довести воду до полей. Домов в поселении было немного, штук может тридцать, и всего одна маленькая мечеть, словно свидетельство малой значимости местечка.

Только что перевалило за полдень, и по полю, предназначенному для выращивания тыкв для бутылей, двое слуг волокли под мышки молодого мужчину лет почти под тридцать. Ногами он будто намеревался бороздить поле, как обычно бороздят сохой, так он упирался пятками в землю и отбрыкивался от хватки. Он не поднимал головы, и тем, кто наблюдал за сценой, виднелся только затылок и коротко стриженные волосы.

На молодом человеке были штаны и разорванная туника. Слуги же были одеты совсем по-другому: в цветастые одежды свободного покроя. У одного на голове было что-то вроде тюрбана, и оба носили бороду и длинные волосы.

Когда они дотащили несчастного пленника до улиц рабада, собралась любопытствующая толпа. В селении все друг друга знали, и все знали обитателей последнего дома в конце дороги перед полями, дома христиан, единственных в рабаде.

Повсюду в окрестностях работали всеми силами и не покладая рук, чтобы земля была всегда пригодной для жизни; вся округа была предназначена для земледелия, и семьи организовывались общинами, разбросанными среди холмов. Дворян в рабаде не было, как не было и воинов, а жили одни лишь крестьяне, которые работали каждый сам на себя и на сборщика податей каида⁴ Каср-Йанны.

Именно его дом и стоял на другом конце деревни противоположно дому христиан, на самом высоком месте. Перед большим домом открывался просторный, частично огороженный двор, в него-то и вошла троица, прошагав по запутанным улочкам и характерным дворикам, присущим поселениям арабской планировки. Прямо там, где раскинулся рынок, точно посредине его, они привязали измученного молодого человека. Стянули ему запястья, а руки при-

¹ Нория – от арабского «наура». Это гидравлическое колесо для подъема воды на более высокий уровень при помощи речного течения.

² Рабад – дословно «пригород». Предмесье, которое, как правило, находилось за стенами укрепленной части города.

³ Каср-Йанна – наименование города Энны во времена арабского господства. От слов «каср», что означает замок, и «Йанна», буквально Энна; отсюда «Замок Энна». Во времена нормандцев из-за неверного истолкования арабского названия город стали называть «Замок Иоанна (Кастрождованни)».

⁴ Каид – дословно «учитель» или «лидер». Так называли главенствующих или командующих лиц.

крутили к столбу. Натянули веревку кверху и закрепили ее в естественном разветвлении жерди, которую установили над головой пленника так, что он не мог ни сесть, ни нагнуться.

В ту же минуту появился во дворе подчиненный каида, человек даже слишком молодой для доверенной ему должности, некий Умар. С собой парень был красив: из племени берберов, кожа на лице немного смугловата, пара глубоко посаженных черных глаз и прямой, хорошо сложенный нос. Борода скрывала его возраст и делала еще больше похожим на отца, Фуада, тот тоже был сборщиком податей при каиде, отец умер почти два года назад.

Умар вышел из налоговой конторы, примыкавшей к дому сбоку, и ухватил пленника за белокурые, отливавшие медью волосы, заставив его поднять голову и посмотреть в глаза. По тому, насколько синюшным было лицо пленника, можно было догадаться, что те двое изощрились, избивая его.

И вот пленник и Умар смотрели друг другу глаза в глаза, и ничто не мешало этим гордым черным глазам пристально вглядываться в еще более гордые, но зеленые, глаза пленника.

– Ты что же, подумал, что можешь оскорблять меня, и тебе ничего не будет... – проговорил Умар.

Пленник не отвечал; не потому, что не понимал по-арабски, а потому, что любые слова были бы бесполезными.

– Не стоит стоять тут и зря тратить время, – договорил сборщик налогов.

Он кивнул головой одному из слуг, из тех, что притащили ему пленника и связали, тот вконец разорвал на пленнике тунику и захлестал по спине мокрым кнутом.

Все жители деревни сгрудились у ворот, но ни у кого не было храбрости вступить в ограду двора. Сдавленные стоны молодого человека впечатляли не больше, чем красные кровавые полосы, которыми покрывалась спина.

Все жители перешептывались со стоящими рядом, что никогда такого раньше не случилось в рабаде. Родичи же истязаемого прятались в толпе и, здраво рассудив и сгорая от стыда, стояли молча. Не было лишь членов дома сборщика налогов, его матери, жены и сестры, которые предпочитали не вмешиваться в дела главы семьи.

Когда же слуга, которому поручили наказать пленника, закончил дело и так и оставил молодого человека привязанным к столбу, люди вернулись к своим занятиям. Пленника там же и оставили стоять, на произвол вечернего холода и ночной стужи.

Лишь ближе к полуночи кто-то сжалился над ним и получил разрешение принести покрывало. Люди Умара позволили накинуть его на пленника, понимая, что провести ночь среди зимы под открытым небом в горах Каср-Йанны было бы слишком тяжело для всякого.

Многие видели, как почти всю ночь пленник дрожал и перепрыгивал с ноги на ногу, чтобы не стоять и не замерзнуть. Потом утром, когда по всему двору вновь раскинулся рынок, увидели, что он заснул, обмякнув на стягивавшей запястья веревке, будто подвешенный к стволу дерева тук. Кое-кто даже подумал, что он умер и в придачу решил проверить, отвесив ему пощечину.

Опять наступил полдень; теперь осужденный стоял без питья и без еды целые сутки. Во дворе теснилось стадо коз, козы блеяли и пощипывали травинки. От монотонного блеяния пасущегося стада привязанный к столбу осужденный снова задремал, он подумал, что у него вот-вот подломятся колени и оторвутся кисти рук... Потом, в какой-то момент он почувствовал, что рядом кто-то стоит, и открыл глаза; и верно, кое-кто уже давно стоял неподалеку и смотрел на него. В трех шагах от столба стояла девушка, она не сводила с него широко распахнутых глаз. Глаз прекрасных, с чудесным разрезом, большинство людей таких глаз никогда не видело, но осужденному и жителям рабада эти глаза были знакомы. Глаза такой насыщенной бирюзовой голубизны, что можно затеряться в них и не найти себя никогда; глаза особого цвета, который ближе к зрачкам переходил в темно-синий как морская пучина. Глаза, которые могли затуманить умы и обречь на вечное проклятие сердца.

На девушке было красивое зеленое платье с желтой и синей отделкой характерного покроя народностей Северной Африки, перед лицом она держала край хиджаба, чтобы скрыть лик. Чужеземные очертания фигуры, настолько несхожей с наружностью коренных жителей острова, казались пьедесталом для ее глаз, этого несоизмеримого шедевра, который притягивал внимание, как ничто другое. Непослушный локон выбивался из-под красного хиджаба и выдавал черноту волос.

Когда пленник увидел девушку, он снова склонил голову, но вскоре поднял на нее взгляд и медленно продекламировал:

– «А ведом ли тебе, властитель мира, Надиры небосвод и бирюза очей ее...»

Взгляд девушки смутился, и она спросила:

– Откуда ты знаешь эти стихи?

– С тех пор как каид побывал здесь, слова стихов разнеслись по всей деревне и за ее пределы.

Потом, не сводя с девушки беспокойного взгляда, пленник взмолился:

– Отвяжи меня, Надира, госпожа моя, умоляю!

Но она стояла с виду невозмутимо, растерявшись от этой мольбы, исполнить которой не могла.

– Не знаю, насколько безбрежны твои глаза, Надира... но могу объяснить откуда они взялись, если хочешь... Но дай же мне хоть воды глотнуть...

При этих словах Надира ушла в дом, не оборачиваясь и не обратив внимания на просьбу; она продрогла оттого, что была одета лишь в легкое платье, не подходившее, чтобы долго стоять на улице; пока она бежала до двери, позвякивание колец на лодыжках отдавалось эхом по всему двору.

Воды осужденному не дали, но как только Надира переступила порог дома и увидела своего брата Умара, который сидел за столом и считал монеты, она спросила:

– Что плохого сделал христианин, что ты так с ним обращаешься?

Лица она уже не закрывала, и было видно, что ее полные губы и отточенный нос гармонично дополняют глаза.

– Какой христианин?

– Тот человек во дворе, привязанный к столбу.

– Его семья отказалась платить джизью⁵.

После чего Умар снова принялся считать деньги, все сидя за тем же столом и полагая, что одним предложением заставил сестру отстать от него.

– Он же замерзнет! Уже второй день стоит на привязи у столба.

– Ты когда начала радеть об участи неверных?

– Сегодня утром я видела, как твои дети играли около него. Ты поглядел бы, как на него смотрела младшая!

– Отвяжу я его, не кручинься... но постоять еще ночь на свежем воздухе ему не повредит.

– Да полно же, Умар, сегодня ночью, наверное, будет еще холоднее, чем вчера.

– Ему принесут еще одно покрывало. Ты разве не видела, что я не запретил сестре накрыть его?

– «Умар Великодушный!»! Как тебе такое звание, – едко отозвалась Надира.

На что Умар хмыкнул и раздраженно хлопнул локтем по кучке серебряных дирхамов⁶, заработанных благодаря налогам и торговле.

⁵ Джизья – подушная подать, которую иноверец, зимми, должен был платить мусульманским властям.

⁶ Дирхам – серебряная монета издавна в ходу во многих мусульманских странах.

– А что, я должен позволить этим людям оскорблять меня, – спросил он, несколько повысив голос.

– Ты сказал, что они отказались платить; а может им нечем платить, откуда ты знаешь? Та семья – самая бедная в рабаде. Я помню, что наш отец часто закрывал глаза на неуплату какого-нибудь налога или сбора, чтобы не слишком притеснять бедняков.

– Зимми⁷ всегда платили и при нашем отце.

– Тем лучше! Если люди Писания всегда платили, что такого, если один раз не заплатят?

– Этот Коррадо, рыжий, когда его отец явился без денег на уплату налога на покровительство неверных, которые веруют в других богов, вышел вперед, вперил в меня взгляд, будто на бой вызывал, и сказал: «Мы двадцать лет на вашу семью работаем... джизью, когда она будет, мы тебе отдадим, а когда нет, удовольствуйся просто тем, что работаем на тебя». И ушел к себе в поле, как ни в чем ни бывало. Как прикажешь с ним поступить?

– Но это после того, как ты дал его отцу пощечину, – вмешалась в разговор их мать Джалая, она услышала раздраженные голоса в соседней комнате и забеспокоилась, что спор между братом и сестрой перейдет в ссору.

Надира сильно походила на Джалю, если не считать глаз необычной голубизны и более светлого оттенка кожи. А кроме того, Надира было гораздо выше матери, которая любила повторять с гордостью, что дочь из-за высокого роста и слаженного стана стройна, как пальма.

На слова матери Умар вскочил, посчитав, что вину валят на него, и ответил:

– Ты, мать, в этих делах ничего не смыслишь! Как установить точно, что кто-то не может заплатить или не хочет платить? Наказывать надо, чтобы лжецам не повадно было.

– В нашей деревне всегда все в согласии жили, козней никогда не строили, не было ни зависти между разными родами и верами... ни стычек. С христианами в том доме у околицы, единственными в рабаде, всегда обращались с почтением. Твой отец знал в таких случаях, где справедливость. Может ты и прав... но не в рабаде Каср-Йанны; мы здесь всегда помогаем друг другу. Народ вчера ужаснулся тому, как ты обошелся с христианином. Ремесло нашей семьи уже само по себе ненавидят... и было бы лучше, если бы тебя уважали, а не боялись.

– Если сундуки окажутся пустыми, каид спросит со своего амиля⁸. А к тому же, с каких пор жогнуть неверного стало считаться преступлением? Мы разрешили им сидеть в присутствии мусульманина, мы разрешили им седлать ослов, мы разрешили их женщинам ходить в бани вместе с нашими... другие веры такого не допускают и за это они могут нас даже к ответу притянуть.

– Но христианин, которого ты ударил, бился с мечом в руках, когда солдатня Георгия Маниака грабила деревню, хотя зимми не обязаны сражаться, и им нельзя брать в руки оружие.

– Тогда знай, что я считаю такой устав неправильным и сам сделаю так, чтобы восстановился порядок. Пусть они тоже примут ислам, если не хотят, чтобы с ними обращались строже, как приняли многие христиане, которые жили в этих краях.

Тут вмешалась Надира:

– И с каких пор ты так думаешь? С тех пор как стал будущим зятем каида?

– А ты, девочка, когда научилась так отвечать своему вали⁹, своему опекуну и поручителю? С тех пор как каид положил на тебя глаз, и тебя пообещали отдать ему в жены? А я вот

⁷ Зимми – подданный не мусульманской веры, который в странах, где действует шария, подпадает под закон о покровительстве (зимма). Это действительно, прежде всего, для верующих крупных монотеистических религий, евреев и христиан, которые пользуются определенными правами, но только если соблюдают установленные обязанности, как например, выплата джизьи.

⁸ Амиль – дословно «агент». Служащий, который собирал джизью и вносил ее в казну.

⁹ Вали – в исламском законодательстве мужчина, родственник невесты, согласие которого для совершения бракосочетания обязательно.

возьму, да и расскажу ему, что ты стояла и болтала с христианином, привязанным к столбу, подумай-ка.

– Мой господин Али сжалился бы над христианином.

– Ну и хорошо, пусть приходит выговаривать мне, когда ты ему расскажешь... если он тебе до этого язык не отрежет, раз ты опускаешься до такой фамильярности с чужаками.

Надира в гневе и разочаровании вышла из комнаты, пробежала в свои покои и заперлась там. Когда Надира проходила мимо, любопытные слуги шмыгнули в разные стороны. У себя в комнате она бросилась на кровать, обняла ворох подушек, разложенных по постели, и заплакала.

– Надира, доченька, – окликнула ее Джалья.

Надира подняла голову – тяжелые локоны предстали во всей красе – и обернулась к матери.

– Надира, дочка, может быть тяжело вдруг осознать, что будешь принадлежать кому-то, кого знаешь вскользь; а тебе всего лишь девятнадцать лет... цифра может и большая, но опыта у тебя никакого!

– Он и правда может отрезать мне язык?

– Да не слушай ты своего брата. Но уясни одно: я хочу, чтобы ты впредь никогда и еще раз никогда больше не разговаривала с тем человеком!

– Это не я заговорила с ним! Это он попросил воды.

– А еще что сказал?

– Да ничего.

– Ну ладно, но знай, что он человек опасный, хуже некуда, Надира. И твой брат прав, что наказал его.

– Ты только что совсем другое говорила.

– Я сказала Умару, как поступил бы его отец... а тебе говорю то, что думаю. А теперь, сходи-ка к нашей невестке, узнай, не нужна ли ей помощь; ты потому и не вышла еще замуж за каида... сноха беременна, и ее надо поддержать.

Так шли часы второго дня той зимой 1060 года – 452 года хиджры¹⁰, – христианин Коррадо стоял привязанным у позорного столба как непокорный осел.

¹⁰ Хиджра – дословно «переселение». Указывает на переселение Магомета из Мекки в Медину. Год, когда это произошло – 622 н.э., – является началом мусульманского летоисчисления. Например, 453 год хиджры соответствует 1061 году христианского летоисчисления (принимая во внимание, что мусульманский год короче христианского).

Глава 2

Осень 1060 года (452 года хиджры), рабад Каср-Йанны

А пока шло начало октября, то есть за два месяца до того, как Умар наказал сына христиан за дерзость, привязав его к столбу во дворе, и до того, как Надира поссорилась с братом.

Под полуденным солнцем Халид, двенадцатилетний мальчонок, который состоял в очень близком окружении Умара и которому сборщик податей каида поручил пасти свои личные стада, бежал во весь дух к деревне. Он скоро добежал до дома Умара, промчался так быстро, что казалось будто порыв ноябрьского ветра просвистел. Добежал, дышал так тяжело, что ему пришлось опереться одной рукой на посох, а другой на коленко, и крикнул:

– Умар!

Вскоре вышло из дома несколько слуг, в этот час они занимались домашними делами. Позвали хозяина, он вышел на порог, волосы всклокочены, раз, по всей вероятности, он дремал, убаюканный сонной теплотой начала осени.

– Чего тебе? Чего орешь в такое время? Я спал вместе с детьми... а ты нас всех разбудил!

– Умар, прости! Козы... – он помолчал, чтобы перевести дух.

– Что стряслось с моими козами? Их у тебя украли? – тревожно спросил Умар.

– Нет, я запер их в загоне.

– Но они все равно без присмотра.

– Я мог послать тебе козу-фартазу¹¹, но ты не понял бы ее бляения.

Халид рассмеялся, явно подшучивал над своим хозяином.

Умах схватил его за ухо и пинком под зад швырнул оземь.

– Так что такого важного случилось, говори, а то я тебя самого в загоне запроу.

Мальчик поднялся:

– Каид, государь... каид к рабаду едет, спрашивал о тебе.

– Али ибн¹² аль-Хаввас едет ко мне домой? – изумленно переспросил Умар, приглаживая волосы, будто уже стоял перед властелином Гергента¹³ и Каср-Йанны.

– С ним едет свита, он попросил сказать тебе, что едет с добрыми намерениями.

Умар взгляделся вдаль и увидел, как по извилистой тропе с горы Каср-Йанна спускается вереница конных.

– Возвращайся к козам, – приказал он и скрылся в покоях.

В доме поднялся страшный переполох, все забегали, стали спешно наводить порядок, чтобы на любую мелочь каиду было приятно посмотреть. В деревне тоже засуетились: женщины выбежали на околицу рабада, а кое-кто из мужчин, которых оповестили о приезде каида, вернулся из близлежащих полей.

Микеле и Аполлония, брат и сестра Коррадо, присоединились к толпе и тоже с любопытством разглядывали подъезжавших. Они тоже, как все, собирались склониться в почтении каиду; неважно кто ими командует, ведь все равно речь идет о их повелителе. Впрочем, не будь одет Микеле в тряпье и не будь он обрит наголо, никто и не подумал бы, что они не веруют

¹¹ Фартаза – на сицилийском диалекте подразумевается безрогая коза. От берберского слова «фартаз», дословно «безволосый, паршивый».

¹² Ибн – дословно «сын». Составная часть арабских отчеств, которая указывает на происхождение, в настоящее время часто употребляется в составе фамилии. Иногда переводится словами «бин» или «бен».

¹³ Гергент – название города Агридженто во времена арабского владычества.

в учение Пророка. Аполлония же ничем не отличалась от женщин сарацин¹⁴, если не считать более европейских черт лица. В другой стороны, в рабаде с самого его основания жили одни берберы. Тем не менее, в других местах магометан с более европейским обликом – потому что родом из других краев или это местные жители, принявшие ислам – было очень много, и на лицо от христиан они вовсе не отличались. А кроме того, вот уже двести лет берберы, арабы и коренные племена часто заключали смешанные браки, и создавался единый народ с одинаковой внешностью; то есть в этом смысле рабад составлял исключение.

Жителей острова называли одним словом... не арабами, не берберами, не исконными жителями, или каких-то других национальностей, а звали сицилийцами. Сицилийцы-сарацины и сицилийцы-греки, то есть христиане – а еще были сицилийцы-иудеи, – но все равно все назывались сицилийцами. В это понятие не включались новоприбывшие, те, кто из Африки приплыл на Сицилию во времена вторжения династии зиридов и до того, как Абдулла вернулся на противоположный берег Средиземного моря. Они, как и прочие, исповедовали ислам, как многие, были выходцами из племен берберов, но называли их африканцами именно потому, что родом они были из тех мест, которые арабы называли Ифрикийей¹⁵. Африканцы последнего поколения приехали всего лишь пару лет назад, они бежали от разграблений, которые творились в их родных землях. Объединить сицилийцев и африканцев в единый народ, хоть и те, и другие веровали в Аллаха, было гораздо сложнее – и в прошлом из-за этого даже возникали беспорядки среди населения, – совсем не то, что помочь вжиться в исламское общество христианам и иудеям¹⁶. И верно, в законах шарии¹⁷ о христианах и иудеях говорилось ясно, и ничего или мало что могло вызвать споры; они были зимми, то есть вассалами, вынужденными платить джизью, то есть, подушную подать, но все равно имели право жить в своей вере. Африканцы же были настоящими противниками, теми, у кого сицилийские сарацины вынуждены были оспаривать первенство на владение островом.

В рабаде же, где африканцев и не видели ни разу, в тот день тревожились больше всего о том, как бы не ударить лицом в грязь перед каидом Ибн аль-Хаввасом, эмиром Каср-Йанны, который неожиданно нагрянул к одному из своих сборщиков.

– Вот бы и Коррадо тут быть! – воскликнула Аполлония, едва завидела въезжавших в деревню всадников.

Аполлонии недавно исполнилось двадцать лет, она было хороша собой, с волнистыми каштановыми волосами и карими глазами. Белизна кожи делала ее еще красивее, так как у арабов девушки с европейскими чертами лица ценились больше. Не будь она христианкой, за ней наверняка ухаживали бы, и не будь рабад таким мелким предместьем, не будь обстановка там такой семейственной, кто-нибудь, несомненно, уже склонил бы ее принять ислам, пообещав выгодное замужество.

Микеле был немного младше Коррадо и сильно походил на отца. Он словно от рождения был трудягой, и, хотя рослостью не отличался, был крепок телом и работал без устали. У него не хватало пары зубов, сломались, когда ему было десять лет, зубами он попытался вытащить большой гвоздь из бревна.

– Коррадо, наверное, уже прослышал про каида, и они с отцом возвращаются с поля, – отозвался Микеле.

¹⁴ Сарацины – так в Средние века повсеместно называли мусульман. В романе употребляются также синонимы: мавры, магометане, приверженцы ислама, арабы и обрезанные. Некоторые из приведенных терминов, естественно, неуместны, но отражают познания и культуру общества в те времена. Слова «мусульмане» в книге нет, потому что оно вошло в язык позднее эпохи, которая описывается в романе. По той же причине не используются термины «византийцы» и «евреи», они заменены на термины «ромей» и «иудеи».

¹⁵ Ифрикийя – регион, который соответствует современному Тунису и некоторым регионам Алжира и Ливии. Дословно «Африка»; название происходит от слова, которым римляне и византийцы обозначали Африку (африканскую провинцию).

¹⁶ Иудеи – так в Средние века называли евреев.

¹⁷ Шария – исламское религиозное законодательство.

– Что за человек, этот каид? – спросила Аполлония скорее у самой себя, чем у брата.

Микеле растерянно глянул на нее и с ревностью в голосе ответил:

– Сидела бы ты дома, как сидят многие магометанские женщины.

– Я тут в рабаде не знаю никого, кто запирает бы сестру на ключ.

– Сестра Умара давно на глаза никому не показывается, а когда выходит из дома, закрывает лицо чадрой.

– Это значит, что есть братья еще ревнивее тебя. А к тому же Надире, чтобы мужчины обратили на нее внимание, одних глаз хватит.

Слова Аполлонии стали пророчеством, которое предвещало многое, что произойдет с этого момента...

Каид ехал по улицам среди всеобщего ликования толпы. Али ибн Ниму, которого чаще называли Ибн аль-Хаввасом, в народе любили. Даже имя его означало «демагог», то есть тот, кому благоволит народ. К тому же, он никогда не смог бы возвыситься до своего положения, если бы люди не поддержали его и не обладал он харизмой; выходец из рабов берберского племени, он выкупился на свободу и в конце концов стал каидом всей центральной Сицилии.

Ибн аль-Хаввас ехал на шикарном гнедом коне, на котором красовалась желто-зеленая сбруя. Аполлония мысленно разочаровалась, когда увидела, что повелитель Каср-Йанны был не таким молодым и осанистым, как она себе представляла, а средних лет, с сединой в волосах и немного грузным. И все-таки нельзя сказать, что на вид он был нехорош собой; наверняка, многие девушки, которые восхваляли его, когда он проезжал мимо, дорого бы дали, чтобы завладеть его вниманием.

Кроме двадцати вооруженных всадников, которые сопровождали каида, притягивала взоры женщина, одетая в черное. Она сидела на коне, свесив ноги на один бок, ехала сразу же за своим господином, за ней скакали две служанки. Ехал с ними и еще какой-то человек, одежды которого роскошью уступали лишь платью самого Ибн аль-Хавваса.

Умар встретил гостей у двери, почтительно поздоровался и пригласил своего хозяина пожаловать в «недостойное его жилище», как он называл свой дом. А каид Али, едва спрыгнул с коня, поспешил представить свою свиту:

– Моя сестра Маймуна и Басыр, мой визирь¹⁸.

На что Умар подал рукой знак подойти своей семье, ждавшей в двери.

– Моя мать Джалья... моя жена Гадда и мои дети Рашид и Фатима; а это моя сестра Надира.

Все три женщины слегка склонились перед каидом, сложив руки, а он ответил:

– Распожусь, чтобы преподнесли дары этому дому в награду за красоту, – и несколько раз задержал взгляд на глазах Надиры.

На полу в самой большой комнате мигом расстелили самые красивые ковры и разложили самые дорогие подушки, чтобы мужчины могли рассесться и поговорить. На кухне даже разожгли таннур¹⁹ печь лепешки, а слуги помоложе побежали к ближайшему роднику за свежей проточной водой для гостей. Все расселись вдоль стен, а женщины пригласили Маймуну с собой в другое помещение позади дома, где было обустроено что-то вроде навеса, а по сторонам росла живая изгородь из розовых кустов.

Заходили туда и обратно служанки, поднося блюда, фрукты, а еще медовые сладости, хлеб, только что собранные финики и гранатовый сок. Наконец визирь, поглаживая необычную стриженную клином бороду, принялся рассуждать и задавать практические вопросы о том, как ведутся дела в деревне:

– Местечко прекрасное, народ предан каиду; это твоя заслуга?

¹⁸ Визирь – высокопоставленный политический советник халифа, султана или эмира.

¹⁹ Таннур – дословно «печь». Отсюда сицилийская «таннура».

– Это заслуга всех жителей рабада, и заслуга возлюбленного каида, он гнетет нас игом, которое нам в радость.

– Какова цифра по набору призывников в джунд²⁰?

– Сорок восемь человек, уже получили оружие.

– Зимми подчиняются тебе?

– У нас всего одна христианская семья... из самых послушных крестьян.

– Всего одна? В других селениях в иклиме²¹ Мадзары христиан собирают в общины, хотя часто небольшие.

– А разбойники... на вас нападали, – вдруг спросил Али ибн аль-Хаввас.

– Нападений не было со времен моего отца. Последний раз нападали, когда Георгий Маниак свирепствовал на восточном побережье, уж двадцать лет прошло. А почему ты спрашиваешь, государь?

– Подданные моего зятя Мухаммада ибн ат-Тумны не так миролюбивы, как жители твоей деревни... а рабад – слабый аванпост у подножия Каср-Йанны, где я живу.

– Нам надо быть готовыми кое к чему, достопочтенный каид?

– Прошу тебя всего лишь выставить охрану и подготовить сигнальный огонь, чтобы оповестить по тревоге наших караульных.

Тем временем, позади дома под навесом Джалья принимала высокопоставленную гостью с таким же вниманием, с каким принимали ее брата. Женщины сидели на подушках и болтали о пустяках и безделицах.

– И когда роды? – спросила Маймуна у Гадды, взглянув на ее живот.

– Через три месяца... иншааллах²²!

– А ты... Надира... вот уж странно, что ты все еще в материнском доме. Может деревня ваша махонькая, вот ты и не нашла еще жениха?

– По правде говоря, госпожа, претендентов-то было много... но Умар посчитал, что все они меня не достойны.

– Не достойны твоей красоты? Твой брат прав.

– Да я и наполовину не так красива, как ты.

Тут Маймуна закатала рукава и обнажила запястья; все увидели рубцы, уже заживающие, но краснота еще не сошла.

– У тебя вот этого нет, а у меня есть...

Надира и другие две женщины удивленно посмотрели на нее, поначалу подумали, что сестра каида перерезала себе вены. Но Маймуна объяснила:

– Не подумайте, что я согрешила; я не сама, это мне их перерезали.

– Да кто же, госпожа? – спросила Надира, на глаза ей навернулись слезы, сегодня на подбородке она хной²³ нарисовала очертания пальмы, работа очень тонкая.

– Мой муж, Мухаммад ибн ат-Тумна, каид Катании и Сиракуз.

²⁰ Джунд – войско, армия.

²¹ Иклим – единица административного деления, провинция. В истории мусульманской Сицилии их было три. В эпоху нормандцев их стали называть «долинами». Чтобы легче распознать это политическое деление, достаточно иметь в виду, что Сицилия имеет треугольную форму; если проведем биссектрисы из каждого угла, они пересекутся в центральной точке треугольника. Получившиеся три части будут соответствовать трем историческим долинам Сицилии (то есть, иклимам в мусульманскую эпоху):... Демоны: соответствует северо-востоку Сицилии (от Демоны, города близ парка Неброди);... Мадзары: соответствует западу Сицилии (от Мадзары, в наши дни город Мадзара-дель-Валло);... Ното: соответствует юго-востоку Сицилии (от названия города Ното).

²² Иншааллах – дословно «Если на то будет воля Божья». Это общепринятое выражение, оно означает надежду на свершение какого-либо события, принимая во внимание, что все происходит на усмотрение Аллаха.

²³ Хна – краситель, получаемый из пальмы с таким же названием, еще в древности ею пользовались для нанесения временных татуировок и для крашения волос. Во многих странах мира женщины используют ее до сих пор для нанесения рисунков на руки и ноги.

– Да за что же, госпожа? Что ты ему сделала? – снова спросила Надира, она склонилась к гостье и взяла ее руки в свои.

– Да разве ж есть причины, из-за которых муж станет так обращаться с женой?

Надира отпустила ее руки, ответ прозвучал как укор.

– Я принадлежала Ибн-Маклати, он раньше правил Катанией, был моим мужем, но Мухаммад убил его и присвоил себе жену и город. И как будто мало бесчестья, что я стала женой убийцы первого мужа, так Мухаммад решил преподнести мне и этот подарок: перерезал вены, хотел, чтобы я умерла от потери крови. А к тому же, вы знаете, что мой брат сам поднялся из рабов до каида... за это тоже Мухаммад все время напоминал мне, что я из простонародья.

– Ты все еще принадлежишь каиду Катании, госпожа? – спросила Гадда.

– Он попросил у меня прощения, когда протрезвился на следующее утро... ведь Мухаммад из тех, кто напивается вдрызг и творит что в голову взбредет, а на следующий день сожалеет и кается. Я все-таки попросила его разрешить мне поехать к брату, и он разрешил... но, если бы тот молоденький слуга не спас меня, я бы сегодня тут с вами не разговаривала, сестрицы родные.

– Не боишься возвращаться к нему?

– Я не вернусь, знаю, что детей своих уже никогда не увижу... а все равно не вернусь!

– Смелая!

– Я вовсе не смелая, а всего лишь сестра каида Каср-Йанны. Будь я простолюдинкой в этой деревне, еще как вернулась бы, как послушная жenuшка.

– А брат не отправит тебя обратно? – подключилась к разговору Джалия, она удивилась, поняв, что Маймуна надеется, что брат поддержит такое непристойное по мнению Джали своеволие.

– Али поклялся, что не отправит.

Женщины замолчали, будто под навесом потянуло тревогой из-за поступка Маймуны.

– Надира, сестричка, твой брат правильно делает, что не дает тебя в жены первому встречному. Видела мои запястья? Видела, что бывает, когда попадаешь в руки не тому человеку? А к тому же, ты заслуживаешь большего... намного больше того, что может дать тебе рабад. Заурядные мужчины не достойны тебя, дочка.

– Да кто заинтересуется девчонкой из простонародья?

– Да сам великий каид! – с неожиданной готовностью произнесла Маймуна, будто с самого начала ждала случая сказать это.

Надира смущенно рассмеялась, потом сказала:

– На Сицилии не много великих каидов осталось, не считая твоего мужа, твоего брата, да еще...

Она не договорила, у нее вдруг промелькнула странная мысль: Маймуна приехала к ней, говорит от имени и в пользу своего брата. Ее охватило беспокойство, она разволновалась и так встревожилась, что не могла больше произнести ни слова.

– Надира, милая, ты отчего затрепетала? – спросила у нее Маймуна и погладила по щеке. Джалия смекнула раньше дочери, зачем пожаловала Маймуна, она забеспокоилась.

– Надира, тебе как будто неприятны добрые слова Маймуны, – пристыдила она дочь.

– Ты по какому делу приехала? – серьезно спросила Надира и слотнула слюну.

– Посмотреть, правду ли сказывают про Надиру из рабада. Тебе неприятно?

– Да нет! – отозвалась Надира и нервно улыбнулась.

Маймуна уговорила с братом, что, если ее мнение о Надире окажется благоприятным, то она сделает так, чтобы девушка пришла в комнату подавать мужчинам на стол, а главное собственноручно подаст какое-нибудь яство каиду.

– По-твоему каид Каср-Йанны поедет в рабад без всякой причины? Надира, Али будет бесконечно счастлив, если ты сама накормишь его из своих рук.

В глубине души Надире не хотелось идти к каиду, не потому что идея Маймуны ей не нравилась, а из-за того, что дело было серьезное; она накрыла лицо, взяла из рук служанки сладости с фруктовой горчицей, медом и пряностями и понесла в комнату, где беседовали мужчины.

Каид, как только увидел подходящую к нему Надиру, прервал разговор; это был знак Маймуны, что смотрины девушки прошли успешно.

Умар замешкался, но тут же догадался об истинной причине визита своего господина.

Надира опустила на колени перед каидом, взяла с подноса кусочек сладкого и поднесла каиду ко рту, он нежно перехватил ее руку – она даже подумала, что в чем-то сплеховала – и, не отрывая взгляда от ее распахнутых глаз, заговорил на память стихи:

«А ведом ли тебе, правитель вышний, ручья кристально-чистого полет,
Где девица распустит локон пышный и цапля изумрудных вод испьет?
Где странник глянет в вод зеркало ликом и душу распознает невзначай.
А ведомо ль тебе, о мой великий, докуда простирается твой край?

А ведомы ль тебе просторы эти и моря чудо, где не счесть красот,
Где рыбаки к закату вынут сети, где рыбка плавником златистым бьет,
Где вдруг прольется с неба дождик частый на сладость смокв и первых дынь межи?
Я ведомы ль тебе, владыка ясный, Сицилии прекрасной рубежи?

А ведом ли тот край, о всемогущий, где светлячкам в ночи потерян счет,
Где померанца расстелились кущи, где роза и гибискус расцветет?
А ведом ли тебе, властитель мира, Надиры небосвод и бирюза
Очей ее? Мне б вновь взглянуть, Надира, в твои безбрежно синие глаза».

Из глаз Надиры выкатились две слезинки, пробежали по щекам и исчезли под складкой никаба²⁴. Она не понимала, как молва о красоте ее глаз могла выйти за пределы рабада и даже дойти до ушей каида.

– Ты когда-нибудь слышала эти стихи, милая? – спросил Али, хотя знал, что ответит девушка отрицательно.

– Нет, государь. Но счастливица та Надира, которой их посвятили.

Каид улыбнулся, его приятно поразила крайняя скромность девушки.

– Этим летом я принимал у себя одного бродячего поэта, некоего Мусаба, он искал службу при дворе и два месяца услаждал меня своим стихотворным мастерством. Как-то раз воспел он цветок такой несравненной красоты, что я взмолился и попросил открыть, о ком идет речь. Оказалось, что у цветка есть имя: Надира; живет в рабаде, она сестра амиля. Стих, который я только что прочел, не мой, милая, я всего лишь выучил его наизусть... дар за гениальность

²⁴ Никаб – накидка, скрывающая фигуру и лицо женщины, оставляя непокрытыми только глаза.

предназначается только поэту Мусабу, но дар за красоту слов предназначается тебе. Но если бы я увидел твои глаза до того, как услышал стихи, я бы, скорее всего, наказал Мусаба за гордыню, за то, что он вознамерился описывать неопишное. Аллах воплотил в тебе несравненное и необъяснимое, милая моя! Я целый месяц ждал, пока не кончился рамадан²⁵, чтобы приехать и взглянуть на «небосвод Надиры», в ее «безбрежно синие глаза», и теперь вижу, что они воистину безбрежны.

Он посмотрел на Умара и произнес:

– Брат, прошу у тебя руки Надиры, заплачу любую цену, какую назначишь.

Умар молчал, Надира вышла из комнаты, она знала, что договариваться о свадьбе – дело мужское.

В глубине души Умар согласился не мешкая, он отдал бы Надиру каиду и даром, раз становился шурином самого каида, но обуздал свои чувства и давать согласие не торопился, чтобы каид поднял ставку. Али заверил, что Надира станет одной из его жен и что он не будет обращаться с ней как с наложницей из-за того, что она не благородных кровей. Кроме того, посулил дары и льготы всей семье. Умар в тот момент смотрел на своего старшего сына Рашида, которому было всего лишь восемь лет, и не мог не вообразить, насколько к лучшему изменится их жизнь, благодаря синим глазам сестры.

А Надира тем временем побежала в укромное местечко, где пряталась в детстве, под крону высокой шелковицы, что росла недалеко от дома. У нее никак не укладывалось в голове, что именно ей так сильно посчастливилось. Она не чувствовала себя на высоте, думала, что ничем не заслужила знаков внимания каида и предложения такого важного человека. Она плакала и дрожала... потом прислонилась к стволу, закрыла глаза и вспомнила, что именно привело к сегодняшнему сватовству.

²⁵ Рамадан – девятый месяц исламского календаря, один из четырех священных месяцев в году. По предписаниям ислама в этом месяце в дневные часы запрещается принимать пищу и пить. Пост напоминает об отрезке времени, когда архангел Гавриил передал пророку Магомету Коран. По исламскому календарю отсчитываются лунные месяцы, поэтому по отношению к грегорианскому календарю рамадан сдвигается.

Глава 3

Лето 1060 года (452 года хиджры), рабад Каср-Ианны

Как-то в пятницу под полуденным солнцем Надира отправилась к колодцу на южной окраине рабада, собиралась принести домой ведро воды; за ней увязалась маленькая племянница Фатима. На Фатиме было красное платьице и ожерелье, украшенное разноцветными геометрическими формами, с головного убора на лоб свисали подвески так, как у берберов принято наряжать девочек. Вместе с ними к колодцу шли и другие женщины; несмотря на духоту палящего полуденного часа, женщины смеялись и перешучивались.

Все, кроме Надиры, начерпали воды, подхватили ведра и зашагали обратно. У колодца осталась только Надира с Фатимой.

– Я слышал, что этот колодец чудотворный, – послышался вдруг мужской голос.

Надира вздрогнула от неожиданности, веревка выскользнула у нее из рук, и ведро полетело на дно колодца.

К колодцу подошел незнакомый юноша со странной желтой свернутой на голове куфией²⁶, он замахал руками и жестами запросил прощения за то, что так напугал.

– Я не заметила тебя, добрый человек, – ответила Надира, закрывая лицо и притянув к себе малышку Фатиму.

– Я говорил, что этот колодец чудотворный... и вот теперь подхожу поближе и сам в этом убеждаюсь.

Он заулыбался и продолжил:

– Потому что, если ты не ангел, то скажи, что за райское создание стоит передо мной.

– Я сестра деревенского амиля, человека, который состоит в очень близком окружении каида, – объяснила Надира кто она в надежде, что, если юноша подошел с недобрыми намерениями, то отступится от них.

– Тебе нечего меня бояться.

Он спрятал руки за спину, склонился в легком поклоне и представился:

– Мусаб, стихотворец и врачеватель.

– Дай мне поговорить с братом, и тебя примут как подобает по законам гостеприимства, Мусаб.

– Очень любезно с твоей стороны, но думаю, что все, что мне нужно, я уже получил.

– Ты за водой пришел? Уж в ведре воды-то мой брат тебе не откажет, – наивно отозвалась Надира, подумав, что Мусаб имеет в виду колодец.

Но поэт улыбнулся и объяснил:

– Хоть я и молод годами, а довелось мне побродить по свету: от Багдада до Гренады. Надо сказать, что глаз бирюзовых и изумрудно-синих я повидал много, да таких, какими не побрезгуют и семьдесят две девственницы, которых Аллах посулил мученикам. В Андалусе я видел девушек вестготских кровей, у которых глаза походили на твои... а среди гор Кабилии наткнулся на женщин с чертами лица, похожими на твои. И все же... все же... нигде не встречал я такой лучезарной синева, коей оправой служил бы такой лик, как твой. Твоя внешность говорит из какого племени ты родом, конечно, из берберов, об этом я догадался и по наряду девочки... Я и среди коренных сицилийцев видел людей, которые могут похвастаться светлым

²⁶ Куфия – в арабской культуре характерный головной убор, состоящий из отреза ткани, который сворачивают на голове или оборачивают вокруг головы.

цветом глаз, но такого цвета как у тебя я никогда не встречал. Может твой отец – сицилиец? Или мать? От кого ты унаследовала такое счастье?

– Ты ошибаешься... тебя, наверняка, не было в наших краях слишком долго, и ошибиться легко. У нас нет берберов, коренных жителей или арабов, а есть только сицилийцы, которые следуют учению Пророка. Да, правда, среди моих предков и среди их матерей были и уроженки острова, которые приняли Коран, как бывало в любой другой верующей семье на острове. Но это само собой, если учесть, что в первые времена на Сицилию приплыли в основном одни мужчины, и только потом приплыли семьи, которые бежали от преследований халифов и эмиров в Ифрикийе. Ну а что до моих глаз, то кому какое дело до неисповедимого дара, которым одарил меня Аллах?

В этот момент послышался голос муэдзина²⁷, звавшего на полуденную молитву. Надира обернулась в сторону рабада и минарета и заспешила домой.

– Моя мать уже давно заждалась воды.

– Скажи хоть, как тебя зовут.

– Надира.

– Надира, я напишу про твои глаза! – прокричал ей вслед незнакомец.

Надира ухватила Фатиму за руку и побежала к дому, уже тогда она была уверена, что Мусаб придет к Умару просить ее руки. Но шли дни, уверенность не подтвердилась, но вот в первых числах октября ей открылось, что вышло из той встречи у колодца, а вышло нечто гораздо более значимое, отчего судьба ее круто изменилась.

²⁷ Муэдзин – человек, в обязанности которого входит чтение азана с верхушки минарета в те дневные часы, когда наступает время совершать салат.

Глава 4

Зима 1060 года (452 года хиджры), рабад Каср-Ианны

Закат полыхал багрянцем и отсвечивался на лице Коррадо, отчего лицо его казалось почти таким же медно-рыжим как волосы. Надира вернулась в дом уже несколько часов назад, отказав ему в помощи, о которой он умолял; с той минуты к столбу больше никто не подходил.

И вот в самый разгар вечерней зарницы Каррадо прокричал в бреду:

– Умар, выходи! Выходи и потягайся со мной!

Но голос у него за спиной у входа во двор взмолился:

– Ради бога, не кричи!

А он:

– Надира, струсила... так вот твоя жалость?

Голос у него за спиной приблизился к столбу. Охранник, которого приставил сборщик налогов, тоже подошел, и вид у него был грозный, он собирался отплатить пленнику за то, что тот оскорбил хозяйку дома.

– Не надо, прошу тебя! Он бредит... не знает, что говорит. Даже меня принял за суженную каида.

Несмотря на мольбы Аполлонии, стражник пригрозил:

– Еще одно слово, и я ему голову оторву!

Аполлония стояла неподалеку от столба, не сводила с брата тревожного взгляда и плакала:

– Я – твоя сестра. Посмотри на меня, Коррадо, посмотри на меня!

Но он судорожно мотал головой и не переставал бормотать что-то неразборчивое.

Тогда Аполлония рванулась к нему и заключила в жалостливые объятия. Коррадо был выше всех в рабаде, а она – одной из самых низкорослых девушек, поэтому головой она уткнулась ему в грудь, оголенную оттого, что туника на нем была разорвана, а покрывало сползло по спине.

– Коррадо... не сдавайся... недолго осталось.

– Сестричка... – прошептал он.

– Наконец-то ты узнал меня!

– Ты давно здесь?

– Я всегда здесь... всегда, брат. Я не ушла бы и после того, как принесла тебе покрывало прошлой ночью, да меня мать позвала домой.

– А они где?

– Отец с матерью боятся сборщика налогов каида и Микеле тоже не отпускают сюда.

– А тебя, сестричка?

– Я-то что, росинка на травинке... кому какое до меня дело?

Коррадо закрыл глаза, лицо его искажилось словно в судороге, потом он произнес:

– Иди домой. Не чувствуешь, как жжет солнце в этот час?

Охранник опять подошел, чтобы девушка не помогала брату:

– Не липни к нему!

Аполлония разжала объятия и ответила:

– Да ты что, не видишь, что он бредит? Уж не сполна ли наказали?

– Об этом с Умаром говори... я-то давно бы уж его развязал да пошел домой в тепло.

Аполлония бросилась со всех ног к двери господского дома. Умару доложили о ней, и когда он вышел из двери, Аполлония упала к его ногам и взмолилась:

– Умоляю тебя, государь... чего пожелаешь, только отвяжи моего брата!

– Я сказал три дня, и забрать слова назад не могу.

– Он не выживет этой ночью; у него жар! Умоляю, государь, привяжи к столбу меня, а его отпусти, а то он умрет.

– Если умрет, значит у него в судьбе так написано, а если не написано, то не умрет... Накрой его еще одним покрывалом, если хочешь. И не унижайся так из-за человека, который твоего унижения не заслуживает.

После чего приказал стоявшим рядом слугам вынести простершейся у его ног девушке поесть, а потом прогнать ее. На этот приказ Аполлония вскопчила и гневно ответила так, что весь дом услышал:

– Не надо мне твоей подачки, у меня есть кормилец!

Тогда дверь захлопнули ей в лицо, и возразить Умару она не успела. Ноги у Аполлонии подкосились, тело сползло по двери, и она зарыдала сильнее прежнего.

Позднее, когда муэдзин созвал верующих на вечерний саят²⁸, она взглянула на охранника, который готовился склониться в молитве в сторону Мекки и сидел к пленнику спиной, Аполлония воспользовалась моментом и нарушила запрет, не позволявший ей подходить к брату.

– Коррадо, душа моя, жизнь моя... Коррадо!

Но он лишь глухо мычал, не открывая глаз.

Тогда Аполлония заключила его лицо в ладони и проговорила:

– Не забывай кто ты такой, Коррадо, не забывай кто твой отец.

– Алфей... из рабада, – мучительно выдавил он.

– Коррадо, брат, вспомни кто твой отец, – в отчаянии повторила она, не удовольствовавшись ответом.

– Алфей... наш отец, – снова выговорил он, не открывая глаз.

– Вспомни не о том, кто любит тебя как сына, вспомни о том, кто породил тебя. Вспомни истории, которые ты рассказывал мне по вечерам у камина, те, которые рассказывал тебе твой отец... твой родной отец. Помнишь, как ты рассказывал мне про северные земли под снегом и льдом, и что твои родичи умели переносить самую лютую стужу. Вспомни, Коррадо, и может твоя кровь северян согреет тебя, и ты выживешь.

– Нормандская дружина...

– Верно, Коррадо, нормандская дружина... вспоминай!

– Мой отец, Рабель... Рабель де Ружвиль.

– Да, Коррадо, в последний раз ты видел его летом двадцать лет назад; ты мне об этом много раз рассказывал.

– Я видел его у стен Сиракуз... – пробормотал он наконец и потерял сознание, провалившись в горячечный сон.

²⁸ Саят – каноническая исламская молитва, которую верующие мусульмане должны совершать пять раз в день и которой предшествует азан.

Глава 5

Начало лета 1040 года (431 года хиджры), у стен Сиракуз

Когда-то, до прихода римлян, город был «восточными воротами» Сицилии, самым все-славным городом во всем центральном Средиземноморье, родиной тиранов и великого Архимеда, жемчужиной, которую подняли на свет из морских пучин божественные дельфины; вот каким городом были Сиракузы! И верно, город Аретусы был слишком престижной целью, чтобы на него не заглядывались, обязательным этапом для генерала Восточной империи Георгия Маниака, во время своего похода он не мог обойти город стороной.

Завоевание всей Сицилии для Константинополя было делом нелегким, и поэтому, чтобы кампания завершилась успехом, надо было вырвать Сиракузы у сарацин затем, чтобы город стал прочным передовым плацдармом для подхода подкреплений с востока. С другой же стороны, в городе имелись большие запасы провианта, никогда не просыхавшие колодцы, а защищал город стойкий гарнизон, который после первых боев отошел за стены. Зов муэдзина с минарета напоминал осаждавшим город войскам, что взятие Сиракуз предвидится делом долгим и изматывающим.

Георгий Маниак был человеком жестоким и деспотичным и с солдатами и офицерами под своим началом зачастую вел себя зверски... в общем, одно слово – солдафон. Даже облик его говорил об отвратительном характере: он был слеп на один глаз, ростом выше среднего, фигурой нескладен, неприятен на вид. Все в нем внушало страх как в рядах своих солдат, так и среди несчастных сарацинских ополченцев, которые с ним схватились.

В его доблести не сомневались уже до того, как император Востока поручил ему вырвать Сицилию из рук арабов, а теперь, когда от Мессины до ворот Сиракуз замелькали кресты, слава его утвердилась стопроцентно. Впрочем, тут и нужен был человек с сильным характером и неоспоримым авторитетом, если хочешь преуспеть в предприятии труднее, чем сама война с исламом, то есть суметь удержать в узде разношерстное войско, которым он командовал. Выходцы их многих мест собрались под флаг Георгия Маниака подзаработать: люди из Константинополя и его владений, из Апулии, из Калабрии, армяне, македонцы, павликиане²⁹... но и профессиональные наемники, а еще контаратои³⁰, которые бряцали копьями под началом лангбарда Ардуина... варяжская гвардия, северяне, пересекшие славянские степи, чтобы пойти служить к императору Востока, которых вел Гаральд Гардрад... и нормандцы из нижнего течения Сены – самые искусные воители.

Именно один из них – но еще не солдат – в пятом часу пополудни стоял и смотрел на море, взгляд его простирался за пределы лежащих на побережье развалин старого города. Ведь когда-то город был гораздо больше и занимал и приличную часть побережья напротив острова Ортигии, того, где находится центр знаменитых Сиракуз. Но вот уже двести лет после опустошительного набега сарацин город состоял только из островной части и небольшой полуостровной территории, которая уже пала под власть Маниака. К тому, что оставалось от Сиракуз, обращались защитники мыслями и оружием в попытке выдержать осаду, которая длилась уже несколько месяцев по ту сторону узкого и короткого канала, который разделял город.

²⁹ Павликиане – секта аскетов, возникшая в Армении, члены которой верили, что они живут согласно истинному учению Павла Тарсянина, отсюда и название – павликиане. Поначалу их преследовали и сгоняли с насыженных земель, позднее стали набирать в ряды византийской армии.

³⁰ Контаратои – от греческого «konteratoi». Солдаты византийской пехоты, забранные в армию силой и вооруженные шлемом, щитом и копьем.

Конраду шел десятый год, и войну он познал рано с тем, чтобы закалиться на пути, подготованном ему на всю жизнь; ведь любой мужчина у нормандцев от природы не мог стать никем иным, кроме воина. Но Конрад был еще и мечтателем... Может оттого, что его отец считал, что не стоит торопиться с боевым крещением, Конрад умел мечтать без надобности считаться с жестокостью солдат во время сечи, которая затуманивает глаза и затмевает разум. А потому в зеленых глазах Конрада человек мог еще увидеть самого себя и разглядеть отблески надежды, то понятие дома и семьи, в коем наполовину Конраду было отказано из-за преждевременной смерти матери, женщины благородных кровей из франкского семейства.

Рабель де Ружвиль, когда пошел в Италию, взял сына с собой, тогда мальчику был всего год, взял и его няньку. В Салерно его заманила щедрая плата, которую выдавали младшим сыновьям из нормандских дворянских семей, и привлекли вести от соотечественников, попавших туда до него, Рабель решил присоединиться к своим товарищам по оружию и пойти на службу к тому, кто платил больше. А уж в войнах-то в тех краях недостатка не было... повсюду простирались поля, орошенные кровью из-за нескончаемых битв Константинополя с последними лангобардскими княжествами. Уже и не говоря о беспрестанных набегах арабских грабителей вдоль побережья Калабрии. И так, когда Георгий Маниак собирал войско для захвата Сицилии, Рабель со товарищи откликнулся на призыв. Мессина пала сразу, но последующие схватки оказались жестокими, опустошительными как для населения, так и для обоих воинств, нормандский контингент потерял очень много личного состава. За два года войны Маниаку удалось продвинуться только до стен Сиракуз, захватив всего лишь побережье Ионического моря. Большинство жителей иклизма Демоны – северо-восточного кончика острова – исповедовало христианство и поддержало вторжение, но на остальной Сицилии во всем и вся царил ислам, и завоевать ее оказалось делом долгим и трудным.

Взгляд Конрада затерялся за пределами порта и города, мальчик раскинул руки, намереваясь объять необъятное, обхватить море до самого горизонта. Отец уже несколько минут стоял позади и смотрел на него, и когда подошел и взлохматил сыну медно-каштановые волосы, Конрад обернулся, вздрогнув, почти испугавшись, что отец пристыдит его за глупое объятие, коим он обнимал пустоту.

– Хочешь все море с собой забрать, сынок? – спросил Рабель; одет он был в простую белую тунику, но при оружии.

– Нет ничего на свете прекраснее моря!

– Боюсь, что для моря малы у тебя карманы...

– Но Богу море по карману!

– Может Земля она и есть ... Божьи карманы... а мы внутри.

– Рауль говорит, что из всех народов Бог выбрал нас, потому что у нас кровь лучше всех других кровей.

Рабель улыбнулся и тоже взгляделся в море:

– Каждая нация и любой народ считает, что он лучше других. Возьми к примеру эти земли... магометане считают, что Бог благоволит им, константинопольский император считает себя Его наместником и также полагает папа... а пройди по иудейским кварталам местных городов да спроси на чьей стороне Бог... Конрад, сынок, постарайся сам стать человеком с красивой душой, неважно, какая течет в тебе кровь.

Я видел магометан, которые в битве вели себя порядочнее наших... я уверен, что Господь Бог уважает их во славе, независимо от того, кому они служат. С тех пор как мы высадились на этом острове, у меня на многое открылись глаза.

– А Рауль?

– Рауль – мой лучший друг, но сражаемся мы за разное понимание добра.

– Вы говорите, отец, что сражаетесь не за мзду?

– Я родился солдатом, и мой отец воспитал меня так, чтобы я стал солдатом. С тех пор как наш род покинул холодные йюлландские³¹ равнины, мы ничего кроме меча в руках не держали. Это наше ремесло, а плата за битву – наш заработок. И все же, милый Конрад, вознаграждение может наполнить или карманы, или сердце, а вот куда его класть – решать тебе.

– Вы говорите, что и плату брать опасно?

– Все может быть опасно, если ведет к служению пороку и эгоизму. Власть, деньги и женщины... остерегайся всего этого!

– Но вы любили мою мать... – в растерянности и сомнении проговорил Конрад.

– Нет ничего плохого во власти, если твои подданные становятся тебе сыновьями; нет ничего плохого в деньгах, когда кормят рты твоей семьи и тех, кем командуешь; и ничего на этом свете нет плохого в теплоте женщины, которую любишь. Но я, сын мой, любил только одну женщину, и никакая другая не заступила на ее место. Ты очень похож на мать... свои глаза, свои волосы, свой оттенок кожи... и свое имя, Конрад, ты унаследовал от ее родичей... Уже через две недели после ее смерти мне представляли одну изящную девушку, но я не захотел, чтобы другая встала на ее место и чтобы тебе пришлось однажды называть «матерью» другую; я бы этого не перенес. Если уж нужна подставная мать, так есть нянька.

– Чего же мне тогда остерегаться?

– Вожделения, которое подталкивает к жестокости. Когда желание что-то занять превосходит достоинство и все пределы человеческой жалости.

– А женщины? – недоуменно спросил Конрад из присущего его возрасту любопытства, из интереса к таинственному существу, коим видится женщина и каковое до сих пор он познал только в облике няньки.

– Женщины... ничто не запрещает тебе любить их, но берегись глаз женщины, которая тебе не принадлежит!

– Рабель! – позвал чей-то голос среди развалин неподалеку от военного лагеря.

– Рауль, что, уже пора?

После этого вопроса объявился звавший. Рауль Железный Кулак был товарищем по оружию, с другом Рабель никогда не расставался. Они вместе отправились в Италию, и всегда оберегали один другого в битве. Рауль был великаном почти двух метров ростом с могучим голосом и не слишком утонченными манерами. На лице красовалась борода гуще, чем у большинства нормандцев, волосы темнее, чем у большинства, справа по щеке свисала длинная косичка. Противоречили его темной коже, почти как у жителей Средиземноморья, голубые глаза, фигура северянина и невиданно высокий рост. С ним лучше было не связываться, это знали все, но в то же время он был отменным солдатом, одним из лучших, когда брал в руки боевой топор. И многие спрашивали, что общего у Рауля с благородным душой Рабелем, но, скорее всего, именно милосердный нрав Рабеля был клеем их дружбы. Рабель терпеливо относился к излишествам Рауля как потому, что они вместе выросли, так и потому, что Рауль умел прикрыть его в сражении.

– Нет еще; поговаривают, что завтра на рассвете. Но привезли вино, и все ждут брата Рабеля повеселиться.

«Брат Рабель» – так вся нормандская компания прозвала дворянина де Ружвиля с тех пор, как их дружина в триста человек переплыла пролив. Теперь привезли вино, и ждали, когда подойдут все.

Сколько бы более склонные к мирским радостям арабские странники ни восхваляли сицилийское вино, в домах водилось оно редко. И верно, поскольку приверженцы ислама запрещали выращивать виноград на землях, которыми они управляли, в этих краях можно

³¹ Йюлланд – название на скандинавском наречии территории Ютландии (полуострова, который в настоящее время поделен между Данией и Германией).

было увидеть не много лоз. Но уже после прихода Маниака в 1038 году христиане снова стали садить виноград, чтобы возродить массовое виноделие, но гроздей покаросло недостаточно, и, если появлялось желание выпить на счастье, вино в большом количестве приходилось привозить с материка.

– И возьми с собой Конрада; пора ему тоже погулять как настоящему мужчине!

Рабель взглянул на сына и помотал головой, давая понять, что не согласен с приглашением Рауля.

– А Вильгельм и Дрого?

– Братья Готвиль³² уже час, как на лавках в харчевне сидят.

Гильома де Готвила, на языке нормандцев Вильгельма, прозвали Железная Рука, так как по слухам он всего одной рукой и копьём убил самого сильного сарацинского воина, который в первые дни осады Сиракуз порубил великое множество греков и северян. Но все понимали несмотря на то, что в войсках о нем уже заходила легенда, что побасенка эта маловероятна. И все же, среди солдат нормандского контингента под его командованием фамилия семейства приобретала от этого все больший лоск.

– Умнее было бы склониться в молитве и созерцании. Нам понадобится, прежде всего, помощь милосердного Бога. Абдулла все силы Сицилии собрал, да еще из Африки войска приплыли. Полагает, что сумеет снять осаду с города, и сделает все, чтобы отбросить нас туда, откуда мы пришли. Нам надо отбить контратаку прежде, чем подойдет эмир и раздавит нас об эти стены, но боюсь, что на этот раз, чтобы увлечь за собой всю армию, храбрости самых лихих бойцов не хватит.

– Вот пей бы ты побольше да молись поменьше, было бы у тебя больше оптимизма.

Рабель понял, что мало что может сделать, чтобы переубедить Рауля; он обернулся к сыну, лицо его посерьезнело так, что серьезнее некуда:

– Слышал? Завтра на заре выступаем. Знаешь, что надо делать.

И пошел вслед за Раулем к харчевне.

Конрад прекрасно знал, что от него требуется, именно этим он и занимался вот уже два года: надо сложить отцу вещи, привести в порядок доспехи, еще раз пройтись точилом по лезвию меча и подготовить хоругвь с семейным гербом – щит с датским топором и зеленым листком дуба над ним на красном фоне... хоругвь, которую будет нести именно Конрад всю дорогу до места сражения, восседая на коне рядом с отцом.

От всех этих разговоров про женщин и про вино у Конрада засвербело странное желание, которого раньше он не чувствовал – тайна запретного плода всегда провоцирует мальчишек, – поэтому, как только оба ратника ушли с развалин города, он тоже побежал к харчевне, которая на самом деле была навесом, который один крестьянин-христианин обустроил для солдат в надежде поживиться на надобностях служилого люда.

Как мы сказали, шел пятый час, и солнце еще сильно пекло голову Конрада. Он пробирався среди палаток, набитых солдатами изо всех краев, справа и слева бойцы сидели кучками и разговаривали, в каждой кучке на своем наречии... проходил мимо проповедников, которые стояли на земле или на скамеечках и во весь голос читали молитвы, после того как десятками лет молились втихомолку. Они благословляли каждого солдата, который проходил около их скамеечек, благословили и прошедшего мимо мальчика.

Конрад вошел в харчевню и лишь тогда столкнулся лицом к лицу со злым пороком, который властвует над взрослыми. С полными до краев чарками с вином, с игроками в кости за каждым столом и с горсткой проституток, из которых одни сами пошли торговать собой, а

³² Готвиль (позднее переименована в «Альтавилла») – родовая фамилия нормандской династии, отвоевавшей Сицилию у мусульман, и первых христианских властителей Сицилийского королевства.

других заставили, потому как теперь девчонки-простолюдинки вынуждены были отдаваться завоевателям. Конрад убежал из боязни, что среди мужчин наткнется на отца.

Глава 6

Зима 1060 года (452 года хиджры), рабад Каср-Ианны

Умар раздраженно захлопнул дверь. Так он окончательно оборвал мольбы бедной девушки из христианской семьи, которая унизилась до того, что целовала ему ноги.

– Нет у меня времени на приставал. Если придет опять, гони ее! – приказал он служанке, которая до этого открыла девушке дверь.

Не обращать внимания на отчаянные рыдания Аполлонии по другую сторону двери было еще легче, чем на ее слова несколькими минутами раньше.

Надира стояла в темном углу в комнате у входа и смотрела на все, что происходило на пороге, но теперь, когда дверь закрыли, заглушив голос и отняв надежду у несчастной девушки за дверью, Надира подошла к брату и гневно произнесла:

– Тебе мало позора, которым ты уже себя покрыл?

Слова сестры задели Умара до глубины души, он и без того был зол из-за послеобеденных пререканий и из-за того, что мать встала на сторону дочери, Умар пригрозил:

– Смотри, Надира... смотри... смотри, как бы я не отправил тебя к твоему каиду на носилках!

– Уйду с радостью к «моему каиду», только бы тебя больше не видеть!

– Что ж ты не ушла с ним, когда он приходил просить твоей руки? Сдается мне, что он хотел забрать тебя во дворец на следующий же день, – ответил Умар, указывая пальцем в сторону Каср-Ианны, где стоял дворец Ибн аль-Хавваса.

– Потому что я попросила подождать, пока твоя жена разродится, чтобы увидеть твоего третьего сына.

– Как будто Гадде во время беременности нужна помощь взбалмошной девчонки...

– Ты от нашего отца и волоска не унаследовал... – отозвалась Надира, она придвинулась к нему еще ближе, ткнула ему пальцем в лицо и продолжила: – Неблагодарный... как ко мне, так и к тем бедным крестьянам, которые с рождения служат этому дому. Будь ты человеком благодарным, ты не хлопнул бы дверью перед бедняжкой, которая все еще плачет на улице.

В этот момент высоко вознесся зов муэдзина и эхом прокатился по всему рабаду; последний луч солнца исчез за хребтом Каср-Ианны.

– Она бедняжка, ты верно сказала, и бедняжкой останется... Объясни, зачем тебе надо принимать так близко к сердцу все это.

– Потому что, если бы у того столба стоял ты, я бросилась бы к ногам твоего мучителя и унизилась бы еще больше, чем эта христианка.

Надира сказала так и расплакалась, но не замолчала; от такого неожиданного признания в привязанности к нему, Умару, он растерялся.

– А еще спрашиваешь, почему я попросила каида подождать меня три месяца...

Умар нахмурился, и, чтобы предстать непоколебимым, собрался со всеми силами, какие у него были:

– Ты со своими слезами, Надира. Тебе меня не разжалобить!

– Я вот думаю, а жалко ли тебе, что впредь мы увидимся только, если Аллах приведет.

– Тогда надеюсь, что Аллах исполнит мою просьбу держать тебя от меня подальше.

Надира разрыдалась еще пуще, заколотила кулаками ему в грудь и закричала:

– Ты ничтожество, Умар... ничтожество... и, если когда-нибудь будешь чего-то стоить, так только благодаря мне!

Умар таких слов не стерпел, они как кинжал ранили его гордость, он не удержался и влепил сестре пощечину, после чего произнес:

– Пора идти на вечерний салят, слышишь? Иди совершать омовение, пока совсем ночь не наступила.

– А ты и душу себе омой!

И они спешно разошлись по своим комнатам в гневе и в обиде один на другую.

Когда Умар отмолился, он в раздумьях опустился на край кровати, его не отпускала мысль о пощечине, которую он дал сестре в приступе гнева.

– Что произошло недавно у двери? Я слышала, как ты ругался с кем-то во время азана³³, – спросила Гадда, она подошла и села рядом с ним, придерживая огромный живот.

– Да на сестру меня зло берет! С тех пор как каид попросил ее руки, она то и дело меня критикует.

– А ты, Умар, то и дело провоцируешь ее... Я давно живу в этом доме и ни разу не видела, чтобы кого-то привязывали к столбу во дворе. А не оттого ли, что каид попросил руки Надиры, ты всю стараешься показать кто командует в доме и во всей деревне? Все говорят о твоей сестре гораздо больше, чем когда-либо говорили о тебе. Но в глубине души, любимый, вы с ней одинаковы... оба твердолобы, всегда готовы навязать свое мнение одна другому... да, ей кровь в голову ударила, а вот ты сбился с пути своего отца. Мне тоже недостает того Умара, которого я знала.

– Ты что же, хочешь сказать, что я завидую Надире? Боюсь, что меня не будут считать главным в этом доме?

– Не только в доме, а во всем рабаде.

– Я, да завидовать Надире; чушь какая! – воскликнул Умар, нервно рассмеявшись, чтобы скрыть, как ему неловко от такой правды, которую уловила Гадда, и в глубине души Умар знал, что жена права.

– Хозяин, дозорный на балконе хочет что-то сказать вам, – прервала разговор служанка из-за двери комнаты.

Умар поднялся и мысленно поблагодарил судьбу, что она освободила его от неприятной беседы.

Гадда ухватила его за руку и спросила:

– Я обидела тебя?

Он обернулся к ней, ласково взглянул и поцеловал в лоб.

Умар накинул на плечи и на голову широкий шарф из верблюжьей шерсти и вышел из дома. Он направился было к лестнице, которая вела на балкон, как увидел, что стражник представленный к осужденному у столба, нещадно бьет девушку-христианку. Девушка сидела на корточках, пригнувшись к земле, платок съехал с головы, руками она старалась уберечь лицо и кричала, а стражник хлестал ее той же плетью, которой днем раньше избивал Коррадо. Коррадо же обмяк и обвис у столба без сознания.

Умар остановился, из головы у него все еще не выходили слова жены; он словно захотел показать, что никому не завидует, и приказал стражнику:

– Идрис, не бей ее, бедную девчонку!

– Но Умар, я ей три раза сказал, чтобы она не подходила к брату... А она воспользовалась тем, что я совершал вечерний салят, и опять подошла!

– Ну ладно... не бей ее! Отправь домой и все.

Тут Аполлония чуток приподняла голову, она все еще сидела, согнувшись на корточках:

– Позволь хоть во дворе остаться. Буду сидеть тихо там у стены, – взмолилась она в слезах.

³³ Азан – исламский зов на молитву, который произносит муэдзин с минарета пять раз в день, призывая верующих на салят.

– Делай как знаешь! – резко ответил Умар в раздражении, что она все еще тут, путается под ногами.

Едва Умар поднялся на балкон, дозорный тотчас указал ему на повороты дороги подхлывшей от Каср-Йанны в двух шагах от рабада.

– Трое всадников подъезжают.

– Так поздно? Должно быть странники сбились с пути. Да ведь они могли заночевать и в Каср-Йанне... Зачем бы им выезжать затемно да в такую стужу?

Умар на секунду вспомнил о пленнике, но потом снова взгляделся в приближавшихся незнакомцев.

– Умар, судя по драпировкам, если я хорошо разглядел, по крайней мере, один из них – какой-то важный тип.

– Правильно сделал, что предупредил меня, Мизиян. Если он знатный вельможа, то надо принять его как подобает.

Умар сошел во двор, взглянул на Коррадо и сказал стражнику:

– Идрис, после ночного азана повремени пару часов, а потом отвяжи его.

Стражник согласно кивнул головой.

После недавних замечаний о погоде Умар готов был освободить Коррадо сразу же, но счел, что, если покажет тем приедем, насколько сильна здесь его власть, они зауважают его больше.

Так, сборщик налогов каида остался ждать всадников у двери и увидел, как они подъезжают, когда на западе затухали последние отсветы заката.

Как верно подметил дозорный на балконе, один из троих был одет в изысканное платье; бесспорно, дворянин. Умар сразу понял, что всадники не из берберов, а, скорее, арабы. Впрочем, кроме внешнего вида мало что или почти ничего не отличало выходца из берберов от коренного араба, если не считать, что наряду с арабским языком в семьях говорили на берберском наречии, и если не считать остатков древней культуры, чуждой исламу, который принесли именно арабы.

На приезде, который с виду казался дворянином, был кафтан с белым капюшоном из камки; такого кафтана Умар никогда не видел. Все трое спешили, и один из прибывших, но не тот, на которого до этого смотрел Умар, сказал:

– Мы ищем дом Умара ибн-Фуада.

– Я Умар. Чем могу помочь?

– Знаете ли вы, Умар, кто перед вами? – спросил опять тот же, указав на человека, которого они сопровождали.

– Скажете, когда усядемся в тепле у очага.

Потом приказал стражнику во дворе:

– Идрис, уведи лошадей в конюшню!

Умар пригласил путников в дом. Он совершенно не знал, кто к нему пожаловал, но не хотел, чтобы они подумали, что его гостеприимство зависит от личности гостя. Но все же понимал, что приехал человек из очень знатного рода, и принял его со всеми почестями еще до того, как тот представится.

В той же комнате с коврами и подушками и с разожженным теперь очагом посредине Умар принял гостей как можно радушнее. Он счел, что троице можно доверять, раз вместе с накидками и сумами они вручили слугам и мечи, не ожидая, что кто-то наемнет отдать и оружие.

Теперь при свете очага и свечей Умар мог разглядеть их получше. Приезжему, который с виду возглавлял троицу, было лет сорок, ухоженная внешность, заостренный подбородок и тонкий нос; кроме того, он вел себя как человек, который знает, что в этом мире он кое-что значит. Говорил он медленно, часто с ученым видом прикрывал глаза. Другие двое одеты были

одинаково в длинные черные туники и белые шаровары, но у одного из них на грудь свисал тяжелый золотой медальон.

Все расселись кругом, прежде чем заговорить, они долго сидели молча, шли минуты. Затем Умар решил прервать молчание из желания понять, может ли из этой встречи выйти какое-нибудь доходное дело:

– Вижу ты богат! Чем занимаешься, торгуешь жемчугом?

Собеседник улыбнулся и ответил:

– В этом году мои скупщики значительно увеличили мне доходы именно от торговли жемчугом.

– Я подумал бы, что ты каид, да только каид ездит с охраной и свитой.

– Салим, брат... меня зовут Салим.

– Так что, Салим... по какому делу приехал ко мне?

На самом деле Умару хотелось спросить, почему они не заночевали в Каср-Йанне, а выехали на закате и остановились через горстку миль. Но он побоялся, что такой вопрос истолкуют неправильно, как будто он спрашивает, отчего им дома не сидится.

– Тот человек, которого ты привязал к столбу... его можно купить? Потому что мне показалось, что он очень сильный.

– Так значит ты торгуешь рабами?

– Я из тех, кто ищет драгоценные жемчужины среди человеческого рода, брат.

У Умара сразу же мелькнула мысль продать Коррадо работоторговцу. Но потом он подумал, что христиане – не рабы, хоть и служат его дому, и он не может распоряжаться их жизнями. Поэтому ответил:

– Боюсь, что в рабаде нет ни одной из таких жемчужин. Здесь каждый гнет спину на своей земле и молится в стенах своего дома... за исключением четырех служанок, который прислуживают тут в доме.

– А все-таки я знаю, что ты прячешь под этой крышей жемчужину редкой красоты и что речь идет не об одной из твоих четырех служанок.

Умар посерьезнел, он понял, что собеседник имеет в виду Надиру, и ответил:

– Жемчужина, о которой ты говоришь, не продается и никогда не продавалась.

– А все же я знаю, брат, что каид Каср-Йанны поспешил купить ее.

– Тогда знаешь и что за человек ее оберегает...

– Я никого не боюсь... и меньше всего каида, это потому, что зла я никому не желаю... да и власти у меня на то нет. И все же прослышал я про два искрящихся сапфира, вставленных в изумительную оправу; про одну девушку райского обличья, про такую мечту, что сердце рвется из груди. Каид может заполучить все что угодно... и получает всегда самое лучшее. Но я всего лишь торговец жемчугом – я тебе говорил – и знаю, что за такие жемчужины другие каиды заплатили бы целое состояние. Слава про Надиру – если это ее настоящее имя – разнеслась по всей центральной Сицилии, но я у тебя ничего не прошу... прошу лишь взглянуть на нее. Теперь, когда Ибн-Хаввас сделал себе такой драгоценный подарок, бесспорно, и другие захотят последовать его примеру, и будет моей заслугой, если я отыщу такие же редкие жемчужины среди девушек на острове и за морем.

– Так чего же именно ты хочешь?

– Только взглянуть на синеву, о которой так много говорят.

Он прикрыл глаза и, с едкой усмешкой, процитировал:

– «Мне б вновь взглянуть, Надира, в твои безбрежно синие глаза».

Умар нервно сжал руки. Просьба выглядела подозрительно, хотя, в конечном счете, удовлетворить ее труда не составляло, никакого нарушения целомудрия или морали в ней не было. Хозяин дома сидел и думал, борясь между завистью к сестре и боязнью не уважить человека гораздо более важного, чем он сам. Проситель же со своей стороны отлично понял с самого

начала – или ему сказали – какая у Умара слабость. Другому этот приезжий с несомненным умением искусно торговаться предложил бы деньги, но Умар к богатству относился не так, как относится скряга; настоящим ключиком, который делал его уязвимым, была гордыня.

– Умар, брат мой, теперь ты станешь шурином каида, и ты, конечно же, подумал, как показать свое родство и сделать так, чтобы тебя уважали, раз ты шурин...

Умар растерянно взглянул на него, в глубине души он думал об этом с тех пор, как Али ибн-Хаввас приезжал в рабад.

– Вот мой кафтан, ты когда-нибудь видел такой? – спросил Салим, он заметил, как Умар восхищенно смотрел на него.

– Думаю, что привезли его издалека.

Собеседник рассмеялся, расхохотались и его спутники.

– Это многое говорит о тебе, брат. Ты когда-нибудь выезжал из рабада?

– Часто езжу на базар в Каср-Йанну. Туда много народу приезжает: много верующих, но есть и христиане, которые работают на землях внутри городских стен, и даже иудейские кустари, которые приезжают из Кальт-ан-Нисы³⁴. Там все можно увидеть: от серы из рудников до соли из залежей, от сахара из сахарного тростника до риса с рисовых полей. А городские сады и фонтаны... туда стоит съездить.

– Но от деревни до Каср-Йанны всего полчаса езды! – произнес задумчиво человек с медальоном.

– Так то в гору, брат! – отозвался второй, намереваясь поиздеваться над Умаром.

– Дорогой мой Умар, ткань на мой кафтан привезли из ремесленных лавок из Баларма³⁵. Ты когда-нибудь бывал в Баларме?

Искусством торговаться Салим владел ловко, но Умару он продавал не материальные блага, а нечто такое, что у сборщика налогов уже было: гордыню. Также как торговец зарождает в своем покупателе надобность занять вещь, которую намеревается продать, так и Салим унижал Умара, давая ему понять, что надо стать другим человеком, человеком, который показывает всем, что породнен с каидом, который гордо выставляет напоказ свое новое родство. Он давил на него фактом, что Умар никогда не был в Баларме, что делало сборщика налогов маленьким... таким же маленьким, как любой житель крестьянской деревни, хоть он и сборщик каида. Теперь Салим предложит ему решение, воздействуя на ту же гордыню, которую до этого ловко разгромил и которую необходимо возродить к новой жизни.

– Кафтан твой, брат! Тебе именно и нужен кафтан, в котором тебя заметят.

– Уж больно он дорогой, чтобы ты с ним расстался.

– Да ты шутишь, Умар? У меня таких отрезков тканей еще сотня... а мои портнихи шить умеют отлично. С другой стороны, я что и прошу-то у тебя – просто дать взглянуть в глаза девушке... Подумай-ка: у тебя всего-то и есть что сестра, которую стоит показать... а ты ее под замком держишь...

Умар кивнул служанке, которая стояла у двери и держала большой глиняный кувшин полный до краев воды.

– Позови Надиру.

Служанка вышла из комнаты.

Четверо мужчин долго сидели молча и ждали, когда придет девушка, на которую так хотел посмотреть приезжий. Умар нервно взял с блюда посередине ломтик хлеба, обмакнул в мед и поднес ко рту.

³⁴ Кальт-ан-Ниса – так называлась Кальтанисетта во времена арабского господства. Вероятно, это слово означает «крепость женщин» от арабского слова «кал'ат» – *крепость, крепостное сооружение*. Многие сицилийские города сохранили приставки «кальта», «калата» или «кала» именно от первоначального значения *крепость* или *крепостное сооружение*.

³⁵ Баларм – название города Палермо во времена арабского владычества.

Надира, которая после вечерней ссоры с братом все это время сидела в своих покоях, вошла в комнату. На ней все еще с полудня было то же красивое зеленое платье с желто-синей отделкой, как всегда в присутствии мужчин, она закрывала лицо.

Джаля с Гаддой в растерянности и любопытстве припали к неплотно затворенной двери.

– Так именно эта девушка похитила сердце Ибн аль-Хавваса? – спросил Салим, обернувшись к Умару.

– Она и есть... моя сестра Надира.

Салим поднялся на ноги, а другие двое, что приехали с ним, переглянулись, стусевавшись в обстановке, вдруг ставшей колдовской. Надира остановилась посреди комнаты, взглянула на Умара, пытаясь понять, чего надо от нее гостю и какую роль он играет во всем этом.

– Иди сюда, девушка, подойди, – проговорил Салим, делая рукой знак приблизиться.

Умар согласно кивнул головой, и Надира, посчитав, что доверять можно, сделала два шага вперед.

Взгляд Салима утонул в глазах девушки, но смотрел он на нее так вожделенно, что Надира вынуждена была опустить глаза, почувствовав себя неловко, как будто мужской взгляд уже сам по себе представлял для нее большую опасность.

Несколько секунд спустя Умар произнес:

– Всю ночь смотри – не насмотришься.

И обернулся к Надире:

– Довольно и этого, сестра.

Салим запросил:

– Нет, девушка, погоди немного! А ты, Умар, я с ума сойду, если не попрошу у тебя вот еще что.

– Что же.

– Не вижу служанок-негритянок у тебя дома, а ведь у каждого достойного мужчины есть хоть одна. Поедем со мной до моего родного города, возьми с собой столько людей, сколько захочешь, сколько считаешь нужным, а я навалю каждому в руки денег и навьючу на каждую лошадь или на верблюда тюков со всем, что тебе понравится... и дам тебе черную служанку. Я человек богатый и благородных кровей; не отказывайся, брат! О тебе заговорят все и наверняка нарекут мечеть в твою честь.

При таком запредельном обещании у Умара зазвенело в ушах, голова закружилась, опустела в замешательстве от посула. Но он взял себя в руки и подавил намечавшийся торг в зародыше, примерно представив себе, чем придется за это расплачиваться.

– Я не стану проявлять неуважения к своему кайду и принимать богатства от кого-то другого.

Надира поспешила выйти из комнаты и присоединилась к двум женщинам в уголке, где она могла все слышать, но видно ее не было.

Салим опять уселся у очага, отказ оскорбил его. Он погладил себе бороду и неспешно произнес:

– Как-то раз, когда мой сын был еще совсем маленьким, я увидел, как он играл горсткой золотых робаи³⁶; складывал их в стопочку как деревяшки, пока стопка не падала. Служанка не хотела, чтобы он играл деньгами, и кричала на него как шальная, чтобы он положил деньги на место. Тогда я подошел к нему, вытащил из кармана несколько монеток из цветного стекла и предложил в обмен на золото. Сынишка живо поменялся.

Так вот, ты, Умар, как то дитя, готов отказаться от золота и удовольствоваться цветастыми стеклянными пустышками.

³⁶ Робаи – золотая монета в ходу на Сицилии во времена арабского владычества. Она составляла четверть динара – основной монеты.

– На стеклянные пустышки люди хлеб покупают! – воскликнул Умар, рассерчив на словесные выкрутасы, которыми хотели оскорбить его.

– Но ведь ты не хочешь навсегда остаться человеком со стеклянными пустышками... У тебя в доме есть такое, что больше золота стоит... и поверь мне на слово, твой каид не питает к тебе никакого уважения!

– Моя сестра уже принадлежит Али ибн аль-Хаввасу! – повысил голос Умар, он вскочил и ткнул пальцем в Салима.

– «Демагогу», тому, кто обольщает народ одними словесами... У него есть дар, конечно... я и сам не смог бы сделать лучше. Но ты понимаешь, брат, что Ибн аль-Хаввас может предложить только слова? Только монеты из цветного стекла!

– Заплатит за Надиру, когда сможет взять ее.

– Я предлагаю тебе больше и даже не прошу отдать ее мне. Откровенно говоря, плотская любовь улаживает меня меньше, чем золото и чем удовольствие потратить его.

Умар растерялся; может ли быть, что приезжий имеет в виду не то, что Умар подумал поначалу, когда тот попросил что-то еще?

– Ну и как ты собираешься потратить его здесь? – спросил он.

– Ты же не подумаешь, что я поверил будто красота Надиры ограничивается ее глазами? Об этом, должно быть, догадался и твой каид, а то он не стал бы просить ее в жены, взглянул бы, да и только. То, что твоя сестра прячет под чадрой, надо думать, столь же прекрасно, сколь ее глаза, я уверен. Прошу тебя всего лишь, пусть она сегодня в этой комнате потанцует для меня.

У Умара аж уши запылали огнем. Богач бросал вызов его зависти, будто его роль поручителя девушки ничего не стоила.

– Джамал, подари медальон, который носишь на шее, моему другу!

Тот встал и повесил тяжелый медальон на шею хозяину дома.

Умар поднес медальон к глазам, взвесил в руке: медальон был очень дорогой, с искусной гравировкой, с инкрустацией, очень тяжеловесный.

– С ним тебя все заметят, брат! – с улыбкой отозвался Салим.

Но Умар снял с шеи медальон и бросил на хлебное блюдо.

– В этом доме никогда не играли музыку и не танцевали! – решительно отрезал он.

– У Джамала в суме лежит мизмар³⁷ и он прекрасно играет на нем.

Надира за дверью пришла в смятение от просьбы незнакомца, она уже представляла себе, что Умар вот-вот взорвется от гнева, также думали и Джаля с Гаддой.

– Джамал будет счастлив сыграть в присутствии твоих наложниц, – присоединился Джамал.

Салим посерьезнел и поднялся на ноги.

– Я много путешествовал... познакомился с многими людьми... и даже каиды никогда мне ни в чем не отказывали!

Тогда Умар тоже встал.

– Ты думаешь, что можешь купить все, но честь не продается и не покупается! Я отвечаю за всех женщин в этом доме и не позволю никому даже думать, что он может обращаться с моей сестрой как с проституткой!

Гость усмехнулся:

– Не прослышь каид про Надиру, ты рано или поздно продаст бы ее первому встречному... может быть и тому, кто обращался бы с ней именно как с проституткой. Поверь на слово человеку, который знает, как устроен мир.

– А ты поверь на слово мне, а я сам себя знаю. Ты осквернил мое гостеприимство, поэтому я не могу больше терпеть твоего присутствия в моем доме.

³⁷ Мизмар – духовой музыкальный инструмент, распространенный в арабской и североафриканской культуре.

Умар взглянул на державшую кувшин служанку и сухо бросил:

– Пусть вернут заезжим вещи и лошадей.

Умар стоял и смотрел на них все время, пока они собирали пожитки и выезжали со двора. Но с лица Салима не сходила ехидная усмешка; с виду он нервничал, стараясь скрыть неловкость.

Подъехав к воротам, он сказал:

– Попомни мои слова, Умар: ты пообещал Надиру кайдю, и скоро именно перед кайдом и его гостями будет она танцевать без всякого стыда! – и ускакал со спутниками, исчезнув во мраке ночи.

– Кто был этот человек, кого ты настроил против себя? – в тревоге бросилась к Умару Джаля.

– Это был человек, каким я стать не хочу никогда! – отрезал он, уходя к себе в комнату, и отправил по комнатам женщин.

Глава 7

Зима 1060 года (452 года хиджры), рабад Каср-Ианны

Когда Идрис закончил склоняться в вечерней молитве, он увидел, что Аполлония нарушила запрет и стоит, крепко обняв брата. Она не заметила, как стражник подошел сзади, он рывком потянул ее за платок и сорвал с головы, ухватил за распустившиеся волосы, повалил на землю и оттащил от столба, Аполлония брыкалась и старалась освободиться от хватки. Идрису она вконец надоела, и без того никакого удовольствия стоять и сторожить пленника, так еще она тут крутится; он решил, что сейчас проучит ее раз и навсегда, усмирит плетью также, как днем раньше задал острастку Коррадо. И принялся хлестать ее куда попадет, но больше целился в лицо. Аполлония кричала и прикрывалась руками.

Чуть поодаль Коррадо дрожал, приоткрывал глаза и снова зажимался в приступе лихорадочных болей. Вдруг ему привиделся образ мужчины... взрослого мужчины, он стоял совершенно обнаженный с ног до головы, привязанный к древку флагштока. Но он не кричал под ударами своего истязателя, а гордо терпел муку, сжимая кулаки.

– Рауль, что с ним делают? – спросил Коррадо у пустоты.

Избиение сестры, которое Коррадо видел перед собой, вызвало в памяти травму детства. Впрочем, будь Коррадо полностью в сознании, он наверняка попытался бы выдернуть из земли столб, к которому его привязали, и отплатить человеку, который нещадно бьет сестру.

Волей случая остановил Идриса Умар, когда собирался подняться на балкон.

Так, Аполлонии разрешили тихонько сидеть в сторонке, она сидела, сжавшись в комочек и прислонившись спиной к стене, головой уткнулась в коленки и плакала.

Когда Умар решил, в котором часу освободят пленника, Аполлония заплакала еще пуще, почувствовав облегчение оттого, что казавшееся бесконечным наказание подходит к концу.

Позднее Идрис взял под уздцы скакунов приехавших гостей и увел их в примыкавшую к дому конюшню.

– Смотри, чтобы я не пожалел, что не добил тебя, когда Умар вступился, – предупредил стражник, сурово глядя на Аполлонию.

Она побоялась снова нарушить запрет не потому, что ее опять побьют, а потому, что могут прогнать домой.

– Брат, брат! Я здесь, я не уйду.

Потом на четвереньках подползла чуток к столбу, но все равно до столба оставалось, по меньшей мере, еще четыре шага.

– Коррадо, душа моя, жизнь моя, тебе еще только немножко надо потерпеть. Брат, ответь, дай знать, что сердце у тебя в груди еще бьется.

Потом подползла еще на полшага и зашептала:

– Я знаю, что ты печешься обо мне как брат о сестре... но мое чувство к тебе не того же рода...

Несмотря на то, что разум брата был затуманен, и он почти не понимал, что она говорит, Аполлонии нелегко было признаться ему в том, что тайлось у нее в сердце многие годы, в чувстве, которое заставляло ее сгорать от стыда перед иконой Святой Девы.

– Не думай, что я – преданная сестра, потому что будь на твоём месте Микеле я, может, не осталась бы здесь на холоде и под плеткой... Не думай вообще, отчего я сижу тут, Коррадо, потому что вдруг откроется тебе такое, отчего ты совсем покинешь меня... а для меня это хуже, чем если бы ты умер.

Когда вернулся Идрис, она умолкла, чтобы он не услышал признания, из-за которого от нее отвернулась бы вся деревня, осудив на отторжение еще большее того, в котором она уже жила, будучи христианкой.

Сошла ночь, муэдзин пропел ночной азан. Идрис пристроился на низкой кирпичной кладке достаточно далеко, чтобы не слышать девушку, но достаточно близко, чтобы вмешаться, если она опять подойдет к столбу.

– Еще пару часов и я уведу тебя домой, – проговорила с улыбкой Аполлония.

Но снова посерьезнела, когда ощутила, что не чувствует пальцев на ногах, и представила себе, что брату, наверное, еще холоднее. Она дрожала от холода и дула в сжатые кулаки, чтобы согреться.

– Ступай домой, девчонка! Ты совсем продрогла, не чувствуешь? – окликнул ее Идрис, увидев, как она трясется от стужи.

– Не пойду... тебя уж скоро отвяжут, – ответила она, обращаясь к Коррадо.

Ее карие глаза смотрели вверх в лицо брату, слезы застывали под глазами, не скатываясь из-за стужи вниз по щекам.

– Если бы ты хоть немножко верил в Бога, вера тебе так помогла бы сейчас... – неслышно прошептала Аполлония Коррадо, она знала, что в вопросах веры особого рвения у него нет.

– Я знаю, брат, ты не хочешь верить, что есть Бог, который позволяет делать зло, какое тебе сделали. Знаю, что ты однажды уже обманулся в Христе и всех святых, когда они не выслушали твою молитву, ты так хотел, чтобы отец вернулся.

– Рабель де Ружвиль, – пробормотал Коррадо.

Аполлония мигом умолкла; брат все еще в сознании. А вдруг он услышал ее признание в любви несколько минут назад...

– Коррадо, брат, ты жив!

– Рабель де Ружвиль! – выдохнул он громче, почти прокричал, почти заплакал.

– Вспомни о святом, о хранителе твоего отца, позови его! – подсказала Аполлония, чтобы занять его разум чем-нибудь, чтобы он не заснул.

– Святой Андрей...

– Агиос Андреас³⁸, – повторила Аполлония по-гречески, на языке христианского богослужения на Сицилии.

В семье Аполлония выражалась на своеобразном простонародном латинском языке, на нем же разговаривала как с христианами Каср-Ианны, так и с многими местными жителями, принявшими ислам. Когда же она молилась, вспоминала старый греческий язык... который, по правде говоря, не особо понимала. С другой стороны, в рабаде, поскольку там жили в основном магометане, Аполлония и ее родственники говорили по-арабски; на Сицилии арабское наречие уже довольно сильно отличалось от языка, на котором говорил Пророк. Иногда они включали в свою речь и берберские слова, которые выучили, слушая, как выражаются женщины из берберских племен у колодца и мужчины в полях.

Аполлония закрыла глаза, сложила в молитве руки и забубнила молитвы, взывая к Богоматери Марии, к Святой Деве, чтобы она заступилась за Коррадо. Молилась она, конечно же, шепотом, поскольку тем, кто не проповедовал ислам, было запрещено произносить молитвы вслух, чтобы они не доносились до ушей верующих... а Идрис сидел довольно близко.

– Мариам Теотокос и Партенос³⁹... – зашептала она.

Коррадо слышал голос Аполлонии также, как слышал в эту минуту голос своих воспоминаний, вызванных образом Богоматери и святых, к которым возносила молитвы сестра.

³⁸ Агиос Андреас – *агиос* по-гречески означает *святой*. В этом случае «*святой Андрей*».

³⁹ Мариам Теотокос и Партенос – от греческого «*Мария, мать Божия, Святая Дева*».

Глава 8

Начало лета 1040 года (431 года хиджры), долина к востоку от Трагины

Стяги яростно хлопали на ветру; в тот день направление порывов ветра все время менялось, как будто даже Бог не знал, на чью сторону встать... поэтому по мнению потомков-атеистов, Бог не мог решить кому подсобить в этом сражении. С одной стороны стояли сицилийские и африканские сарацины – африканцы приплыли на помощь, – вопили «Аллаху Акбар⁴⁰» и готовы были сбросить захватчиков в море. С другой же стороны орала «Христос победит» константинопольские наемники, считавшие, что захватчики – мавры.

По приказу предводителя, укрывшись за Джябалем⁴¹ и Карониями воины Абдуллы коленапоклонялись в сторону Мекки, а значит невольно в сторону вражеских сил. Те тоже склонились в молитве, но голоса их не сливались гармонично в унисон, кто возносил молитву на латинском языке, а кто на греческом.

Лагерем стояли милях в двадцати к востоку от горы, на которой оборонялся за стенами городок Трагина⁴², и здесь среди палаток всего несколько часов назад Конрад смотрел вслед отцу, который удалялся вместе с дружиной.

Если не считать маленькой деревушки, где жили торговцы и крестьяне, от этого места до людского жилья было далеко, около лагеря с одной стороны на склонах гор повыше росли густые леса, а с другой стороны раскинулись пригодные для пастбищ луга. В долине текла речушка, текла в самой низине, и поэтому не просыхала даже летом, и солдаты всегда могли набрать воды.

Конрад не сводил глаз с точки вдаль, куда уходила дорога и в которой только что пропал отец. Поутру он помог ему надеть поверх белой туники тяжелую кольчугу, на груди которой красовался красный крест. Рассвело совсем недавно, но солнце уже припекало, поэтому Конрад положил шлем в тень, чтоб был попрохладнее, когда отец станет надевать его. Перед тем, как вскочить в седло последним прикосновением Рабель взъерошил сыну волосы, а Конрад подал ему хоругвь и шлем. Последний взгляд, и вперед, фигура отца затерялась в гуще солдат, которые двинулись к открытому полю неподалеку от лагеря; там Георгий Маниак воззвал к своему воинству. Конрад взобрался на скамеечку, с которой только что сошел благословлявший солдат монах, и в море голов в долине попытался разглядеть Рабеля. Скоро он различил Рауля, голова и плечи которого возвышались над толпой, и подумал, что отец, должно быть, с ним, рядом.

Все знали, что сражение будет решающим во всем сицилийском походе, и все же в тот день Рабель постарался не выдать беспокойства все время, когда был с сыном.

- Много их, тех других? – спросил Конрад.
- Дозорные передают, что большей частью пехота. А у нас кони!
- Можно мне взглянуть на этот раз...

⁴⁰ Аллаху Акбар – дословно «Аллах больше». Речь идет об общепринятом в исламе арабском выражении, которое употребляется в Коране, во время салата и азана.

⁴¹ Джябаль – дословно «гора». На Сицилии, если не добавлялось имя собственное, слово по антономасии означало гора, то есть Этна. Во времена нормандцев вулкан стали называть «гора Джябаль» так, что он стало звучать «Монджибелло», то есть «гора Гора».

⁴² Трагина – древнее название города Троина и провинции Энны.

– Конрад, сынок, я тебе сто раз повторял: оставайся здесь с женщинами, слугами и монахами... – отозвался Рабель и продолжил, – но, если нам не посчастливится, как только услышишь дурные вести, беги на холмы и спрячься.

– И такое может быть? Танкред и Рауль говорят, что все пройдет также, как раньше... Мы победим и положим в карманы порядочный куш.

– Правильно говорят... тревожиться не о чем. Ремесло у нас нелегкое, это верно, но биться мы умеем. А к тому же, не дай бог посеять среди солдат неверие в свои силы!

Так Рабель ободрил сына.

Наступил полдень, ожидание томило душу, и в лагере царила напряженность. Время от времени кто-то прибежал с поля боя сказать, как идет битва. Кое-какая из служанок плакала, видно воспылала чувством к какому-то солдату, и у них завязалась любовь. Потом к Конраду подошел войсковой священник – мальчик сидел на скамеечке на самом солнцепеке – и сказал:

– Сынок, отец твой раньше времени не вернется, не стоит сидеть тут разглядывать дорогу.

Конрад посмотрел на него снизу вверх.

– На-ко вот хлеба ломоть! – произнес священник.

Конрад взял краюшку и стал жевать.

– Если тебе надо чем-то развеяться, а не только голод утолить, то пойдем со мной.

Он повел мальчонку на безлесый холм, вершина которого золотилась под палящим солнцем. Но лежала на вершине не просто земля, а возвышалась большая серая потрескавшаяся скала, сверкавшая вкраплениями сланца. В тени от кроны единственного оливкового дерева, росшего у скалы, сгрудилось маленькое стадо коз, и сидел старый пастух, лицо пастуха изрезали морщины, их было больше, чем прожитых лет. Священник обогнул скалу и вошел в расщелину. Конрад поразился, увидев, что пещера в скале довольно просторная, такая, что человек двадцать поместилось бы, а все стены расписаны яркими красками, сценами из библейских рассказов и жизнеописаний святых; роспись была в духе восточной иконописи. В месте, куда вставляли для коленопреклонения, стояла небольшая скамейка, а на передней стене висел крест.

– Святой отец, вы не здешний, вы отправились с войском; откуда вы знаете про это место?

– Монахи греческого вероисповедания приходят сюда молиться многие века. Это они сказали мне. А теперь молись Господу и Святой Деве, чтобы твой отец вернулся живым и здоровым, – проговорил священник и вышел из пещеры.

Конрад остался один, он встал на колени, закрыл глаза, прижал к груди крест и стал молиться, чтобы Бог привел отца обратно.

Когда он вернулся в лагерь, вечерело. Он увидел, что несколько конных нормандцев уже вернулось из боя, и бросился бегом. И побежал еще быстрее, когда заметил, что один из конников – Рауль; с его датского топора и с кольчуги еще капала кровь.

– Конрад, ты где был? – бросился он к нему, едва мальчик подбежал.

– Меня один священник на холм водил... – объяснил Конрад, но не сказал зачем тот повел его в пещеру из страха, что над ним посмеются.

Но вдруг забеспокоился... если бы отец вернулся живым и невредимым, он, наверняка, прискакал бы в голове отряда. На лице Рауля читалась горечь, будто весь его пыл развеяло какое-то злосчастье. Лишь теперь Конрад начал догадываться, о чем не говорят вернувшиеся нормандские ратники под началом Рауля.

– Где отец? – спросил Конрад, но ответ он уже знал.

– Мы победили, сынок, – вышел вперед Танкред – он тоже был другом Рабеля, – попытавшись как-то облегчить Конраду горе; Танкред все еще сжимал свое копьё, с плеч свисал красный плащ.

– Точно, а те, кто остался в живых, бросились врассыпную, – подключился к разговору еще один.

– Невиданная победа! – донеслось из отряда.

– Даже ветер был за нас нынче... но ураганную бурю опять принесли мы, нормандская дружина, – добавил Танкред.

Но пока Танкред все еще бахвалился, Конрад протолкался между солдатами.

Его отец лежал на земле. На горле адела глубокая рана; видимо, нанесли невероятно мощный удар, раз порвали даже кольчугу. Ветер шевелил светлые волосы: кто-то позаботился снять с него шлем и капюшон.

Конрад застыл на месте, он остекленело смотрел на отца, у него не было сил приблизиться. Ему никогда не приходило в голову, что такое может случиться на самом деле.

Подошел Рауль, положил руку мальчику на плечо и сказал:

– Дружина пустилась вдогонку... многие из нас все еще лежат на ратном поле и ждут, когда мы придем за ними... но мы... мы... нет, милый Конрад, мы не могли заняться грабежом или думать о других павших, когда сын нашего брата по оружию ждет отца и тревожится.

– Вы не принесли бы мне его в такой спешке, если бы он испустил последний вздох прямо на поле боя, – произнес Конрад, и слезы потекли у него по щекам.

Рауль склонился к нему и постарался успокоить:

– Нет, Конрад, нет... твой отец и правда умер в сражении!

Он лгал, чтобы сын не чувствовал себя виноватым, но Конрад был не глуп и не поверил ему. Предсмертный вздох Рабель испустил тут в лагере в надежде увидеть лицо сына в последний раз; пропитанная кровью тряпица, которую прижимали к ране на шее, говорила, что старались сделать так, чтобы Рабель не умер до прихода Конрада.

– Это ты должен закрыть ему глаза, – подтолкнул его вперед Рауль.

Конрад взглянул в голубые глаза отца и не смог сдержать слез отчаяния. Тем временем, вокруг тела собрались женщины, священники, солдаты, оставшиеся в резерве, которые защищали лагерь, и прислуга. Конрад уловил в отцовских глазах что-то похожее на укор, но, естественно, намекнул это лишь внутренний голос самого Конрада, его чувство вины оттого, что не успел прийти.

– Отец! – прокричал он и упал отцу на грудь.

– Ну, чего уставились! – гаркнул Рауль еще громче, обернувшись к толпе. – Проклятые греки, – произнес он вполголоса.

Этими словами Рауль вылил все свое презрение к местным жителям, то есть к христианам, которые из-за исповедания восточной ветви христианства считались «греками». Впрочем, такое выражение нетерпимости включало и Георгия Маниака со своими войсками, поскольку отношения генерала с бойцами дополнительных контингентов сложились из рук вон плохо.

Люди, забоявшись выпада Рауля, стали расходиться. Конрад же вскочил и бросился искать священника, который убедил его не сидеть и не ждать, как верный пес.

Рауль рванулся вслед за мальчиком, тот бегал среди палаток высматривая окаянного священника.

– Сынок, погоди! Да ты кого ищешь?

– Того священника, который увел меня на холм.

– Да что за священник?

– Он на нашем языке говорил.

Потом он подумал, что священник, наверное, там и остался, в церкви на холме. Конрад взбежал на холм, послышалось блеяние коз, но пастуха видно не было... Конрад вбежал в пещеру. Свет вечерней зари затухал, краски, которые поразили его в полдень своей живостью, поблекли, роспись на стенах из-за полумрака различалась едва-едва. Рауль с факелом в руке вошел вслед за ним, как только он вступил в пещеру, краски вновь засияли. Конрад, за неимением лучшего оружия против бездушных каменных стен, хватал пригоршни земли и швырял ими в написанные на стенах лики Христа и Богоматери. Он рыдал взахлеб, теперь гнев на свя-

щенника с его благими намерениями обратился в гнев на Бога, против оставленной без внимания молитвы.

Рауль был человеком жестких манер, в бога не особо верил, но когда он увидел, как Конрад оскверняет иконы, он то ли из страха, то ли из суеверия перехвалил его сзади и приподнял одной рукой.

– Не надо, Конрад, они ни при чем.

– Они не стали слушать меня! – закричал мальчик во весь голос, но обступившие стены поглотили крик.

– Ты что, чудес ожидал?

– Это мне священник сказал!

Рауль опустил его на землю и заставил посмотреть в глаза.

– Послушай, сынок... твой отец взял с меня клятву, что я позабочусь о тебе, и честь не позволяет мне не выполнить обещание, которое я дал умирающему другу. «Пока не доведу тебя до Ружвиля к родне...» вот какое он взял с меня обещание.

– Не знаю я никакой родни, – отозвался Конрад, он рыдал и всхлипывал, прикрыл веки, потому что свет факела жег ему покрасневшие глаза.

– Это не мое дело, я поклялся кровью твоего отца, от этой клятвы зависит моя честь, и я не отступлюсь только потому, что ты не согласен.

– Что еще он вам сказал?

– Что тебе надо собраться с силами. Поэтому теперь ступай в лагерь и наберись храбрости посмотреть ему в глаза. По обыкновению наши сородичи – бесстрашные воины, которые презирают смерть. И если ты зол – это хорошо... у тебя будет больше натиска в битве. Но злись не на святых... злись на живых!

– Поэтому я и искал священника.

– Оставь в покое священника... Тебе надо ненавидеть тех, кто убил твоего отца, это им, зверюгам, надо мстить.

– И кому это?

– Мы здесь два года, а ты спрашиваешь «кому»? Не видел, как на нас смотрят эти африканцы? Не видел в их взглядах, что они так и норовят какую-нибудь пакость тебе устроить? Даже солдаты Акхала, наши союзники, смотрят на нас с ненавистью. Это они убивали, насиловали женщин из племен, которые жили здесь до них, это они заставили тех людей кланяться их богу. Они запоганили кровь тех людей и сделали ее презренной, когда обрюхатили девушек. Это они, магометане-изуверы, это они убили твоего отца!

– Но вы же говорили, что бьетесь только за мзду, а из-за чего эта война – вас не интересует.

– Сынок, если нет в тебе ненависти к врагу, в сражении тебе не выстоять.

– Значит мой отец ненавидел недостаточно сильно?

– У твоего отца была благородная душа... было бы справедливее, если бы он командовал, а не сам в схватку ходил. Но тебе, малыш Конрад, та ненависть, которую ты будешь чувствовать, когда вспомнишь о его самопожертвовании, та ненависть тебе пригодится. Станешь отличным бойцом, я уверен. Ну что, пойдешь в лагерь, закроешь ему глаза?

Конрад вытер кулаком слезы и ответил:

– Пойду.

Рауль огляделся и сказал:

– Похороним твоего отца здесь в пещере, под радательным взором Господа и всех этих святых. Мест получше в округе я не вижу.

– Православные монахи приходят сюда молиться.

– Ну значит им посчастливилось творить молитвы над прахом христианского мученика.

Рауль с Конрадом спустились в лагерь, закрыли глаза несчастному Рабелю, подготовили тело к преданию земле, и похоронное шествие поднялось на холм в церковь в пещере. Положили тело под крестом у скамейки и стали читать молитвы, монахи, женщины и ратники из дворянских семейств сплотились вокруг Конрада, молились всю ночь.

Поутру священник, которого Конрад возненавидел, – оказалось, что зовут его Якоб – отслужил заупокойную, и Рабеля похоронили в могиле, которую выкопали в пещере и обнесли пластинами сланца. На тело уложили щит Рабеля, тот, характерный нормандский овальный щит, заостренный книзу, засыпали землей.

Конрад просидел у могилы в молитвах и весь следующий день после похорон. Спал, свернувшись в клубочек около скамейки, ничего не ел и много раз из глаз у него лились слезы. Там, за расщелиной пещеры его ждала жизнь, жизнь без отца, и мальчик был уверен, что в одиночку никогда и никоим образом ему не выжить. Рабель же, напротив, лежит тут у него под ногами, и Конрад будет верно ждать отца; и на этот раз никому не даст себя куда-то увести. У Конрада все замирало внутри, когда он спрашивал себя, что отец хотел сказать ему перед смертью, какие слова умерли вместе с ним. Потом мальчик поднимал голову и разглядывал лики святых на каменных стенах и, несмотря на слова Рауля, не мог не ненавидеть и их тоже.

Глава 9

Зима 1060 года (452 года хиджры), рабад Каср-Йанны и окрестности

Умар приказал женщинам разойтись по комнатам. Нежно обнял за плечи Гадду, приглашая ее с собой в спальню, ласково погладил по щеке Джалю.

Только Надира все еще стояла у двери и ждала ответа.

– Умар, скажи, кто это был?

– Всего лишь проезжий богатый купец, хотел спровоцировать меня.

– Тебе не кажется странным, что он отправился в путь из Каср-Йанны так поздно, что не переночевал там?

– Видимо, чтобы взглянуть на «Надиры небосвод», до рассвета ему не терпелось, – ехидно ответил Умар, плохо скрывая зависть.

– Тебе лучше сообщить каиду... на рассвете! Мне показалось, что он что-то имеет против моего господина Али.

Умар глянул на нее снисходительно и ответил:

– Теперь ты начала вступать в вопросы безопасности рабада? Ночной азан уже давно пропели... ступай к себе в комнату, сестра!

И Умар раздраженно отправился в свои покои, а Надира стояла, вперив взгляд в плитку из обожженной глины на полу.

Один за другим все очаги, все свечи и светильники в доме потушили, прошел еще один долгий день.

Коррадо все еще стоял на привязи у столба, он давно уже не подавал признаков жизни, Аполлония уткнула голову в коленки и задремала; в эти дни она спала еще меньше, чем брат.

Идрис сидел в сторонке и смотрел в сверкавшее звездами небо, он ждал момента, когда сможет отвязать пленника и отправиться домой.

Вдруг во дворе что-то оглушительно хлопнуло; затем послышались потрескивание, будто что-то горело. Аполлония открыла глаза и увидела странное пляшущее зарево за конюшней. Идрис вскочил и с криком побежал к дому звать на пожар. В то же время Мизиян мигом скатился по лестнице с балкона и закричал Идрису:

– Конюшня горит!

– Буди Умара!

– Зови народ!

Мизиян бешено заколотил в дверь, а Идрис бросился звать мужиков, которые стояли дозором у въезда в деревню; именно каид посоветовал Умару выставить дозор в стратегических точках вокруг рабада.

Аполлония вскочила на ноги и в предвещающей ураган тишине, пока Мизиян стучал в дверь, огляделась вокруг. По деревенским улицам и по двору к дому, словно демоны преисподней, сбегались черные тени. Аполлония взгляделась и подумала, что это жители рабада бегут тушить пожар, но поняла, что крестьяне не стали бы подбегать втихаря и украдкой. Она прижалась к Коррадо, он почувствовал теплоту ее тела и открыл глаза.

Умар выбежал из дома прямо в этот момент, тут же послышался еще один взрыв, это воспламенилось какое-то горючее месиво. Языки пламени заплясали по крыше амбара еще быстрее. Из домов выбегали крестьяне.

Мизиян и еще десяток мужчин уже таскали ведра от ближайшего колодца к конюшне. Послышались крики, пожары занялись и в других местах, даже в нескольких домах; огонь

полыхал по всему рабаду. Кроме того, слышалось лязганье клинков, в том, что случилось, сомнений не было: на деревню напали бандиты.

Аполлония обхватила Коррадо за талию и напряглась изо всех сил, стараясь приподнять его, чтобы высвободить из жерди веревку, которая держала его у столба. От непомерного усилия у нее вырвался крик, под весом брата она повалилась на землю. Развязала ему руки, подтащила и усадила, прислонив спиной к столбу. Потом перекинула его руку себе за шею и попыталась поднять Коррадо... но идти он не мог, и опять мешком свалился на землю. Ощутил нестерпимую боль в руках и в коленях и испустил вопль. Аполлония поняла, что тут она бессильна; она хотела взвалить его на плечи, но ей, низкорослой и хрупкой, тащить брата было не под силу. В слезах она обхватила ладонями его лицо, пристально посмотрела в глаза и пообещала:

- Я не оставлю тебя одного.
- Беги, прячься! – тяжело дыша, ответил Коррадо.
- Пойду позову Микеле; он дотащит тебя до дома!

Аполлония бросилась к дому и затерялась в темноте улиц рабада, она старалась бежать как можно быстрее, но сандалии сваливались у нее с ног.

Коррадо остался сидеть один, прислонившись к столбу, он взглянул вправо в сторону дома Умара. Теперь по двору бегало множество людей, лязг скреживаемых клинков, который только что слышался на улицах рабада, как будто затихал. Коррадо подумал, чем рискует сестра, пробегая по улицам во время нападения... он оцепенел от мысли, что она может не вернуться.

В ту минуту Умар стоял у конюшни растерянный, бессильный, а главное без оружия, он понял, что на деревню напали, и бросился во двор к дому. Вдруг на голову ему обрушился удар, он потерял сознание и упал без чувств. Из дома доносились душераздирающие крики женщин, может кричали служанки, может хозяйки, вскоре и от дома Умара черными клубами повалил дым. Коррадо в испуге огляделся, он увидел, что на улице нет ни одного жителя рабада.

Из дома вывалилась кучка бандитов, двое волокли за собой Надиру. Коррадо услышал, как она кричала, еще не видя ее, узнал по голосу.

В ночи, освещаемой багрянцем пожаров, незнакомцы подошли к пленнику, Коррадо прислонил голову к столбу, от леденящего страха и лихорадки он почти задышался. Он подумал, что вот сейчас его убьют, как убили Умара и многих жителей деревни.

– Эй ты, неверный, поднимайся! – приказал один из бандитов, убрав с лица край чалмы, которым прикрывался.

Надира в удивлении распахнула глаза: это был тот самый богатый торговец, который несколько часов назад приходил к ним домой.

– Не могу, кончайте меня сидя! – в отчаянии проговорил Коррадо.

Но торговец ухватил Надиру за волосы и поставил на колени перед Коррадо.

– Знаешь эту девушку?

Коррадо взглянул на Надиру в лицо; в этот момент до ее лица и трех пядей не было. Коррадо отлично знал, кто перед ним, глаза Надиры невозможно было спутать ни с чьими другими, но ее открытого лица и распущенных волос он не видел с тех пор, как она еще девчушкой беззаботно бегала по рабаду. А кроме того, Коррадо никогда не видел сестру сборщика налогов каида в таком состоянии: на Надире была одна ночная сорочка, лицо залито слезами.

Коррадо кивнул головой. Тогда бандит, который представлялся Салимом, приказал:

– Ступай к вашему каиду и скажи, что, если он хочет снова увидеть свое последнее сокровище, пусть вернет мне мою жену!

Надира мгновенно поняла, кто на самом деле этот торговец... это был сам Мухаммад ибн ат-Тумна, каид Катании и Сиракуз, ставший четыре года назад самым могущественным эмиром всей Сицилии; на острове больше не было единого властелина, и каиды пошли войной

один на другого. Она тут же вспомнила, на что способен этот человек: представила себе, что ей тоже перережут вены, как перерезали Маймуне.

Также, схватив за волосы, он заставил Надиру подняться и толкнул своим солдатам. Потом приставил клинок сабли к горлу Коррадо и принудил его поднять голову:

– Если захочешь отплатить человеку, который держал тут тебя на привязи, приходи ко мне, когда встанешь на ноги... ты и твои необрезанные приятели.

Мухаммад ибн ат-Тумна вышел со двора и поспешил ускакать со своей бандой из рабада, он понимал, что на этот час дозорные Каср-Йанны уже заметили пожары в деревне и подняли тревогу, и скоро подоспеет его шурин с гарнизоном.

Надире связали руки длинной веревкой и на веревке потащили по дороге, спускавшейся с холма, как таскают мулов. Каид с бандитами шел, освещая дорогу парой факелов, Надира шла босиком, и изранила ноги о камни и колючие кусты ежевики. Когда дошли до брода через речушку, которая текла у подножия деревни, а точнее до одной из больших норий, Мухаммад приказал развязать девушку и велел ей накрыться, как подобает женщинам, швырнув изысканное женское платье. Потом глянул на стоявших вокруг мужчин и сказал:

– Если кто-то осмелится покуситься на девчонку, будет иметь дело со мной... как-никак, а она суженная каида, и обращаться с ней надо как подобает!

После чего все вскочили на коней и поскакали к востоку. Надира держалась за талию Джамала, того бугая с медальоном на шее.

Все кони, большей частью черной масти, скакали в одну и ту же сторону. Всадников было человек пятьдесят, на всех черные бурнусы⁴³ и черные шаровары. У всех угрюмые лица, говорили они на языке, больше распространенном среди африканских мавров. Надира узнала их говор, она в семье тоже часто выражалась на этом наречии, но никогда не слышала, чтобы на нем говорили так свободно и с таким характерным произношением.

Всадники слегка подстегивали коней, кони перешли на шаг, образовалась длинная вереница, неспешно ехавшая под луной.

– Господин, кто эти люди? Куда вы меня везете? – спросила Надира у первого подручного каида, как только немножко успокоилась и перестала плакать.

– Это африканские головорезы Ибн аль-Манкута. Отвернулись от своего каида и перешли на службу к тому, кто платит больше. Их нынешний хозяин – друг моего господина и дал ему взаймы своих наемников, чтобы тот мог попользоваться ими в эти дни, – ответил Джамал.

– И эти чужаки и мне перережут горло? – спросила девушка, в ней читалась наивность человека, не знающего, как устроен мир, человека, который боится всего неизвестного.

Джамал улыбнулся и ответил:

– Не бойся, моему господину ты нужна живой.

Времени прошло не много, и они остановились у селения на границе земель, принадлежащих Ибн аль-Хаввасу, и территории Ибн ат-Тумны. Деревня многим напоминала рабад Каср-Йанны, на околице их встретило еще несколько мерзких типов, тоже головорезы как те, которые напали на рабад. Они в знак уважения коленапоклонились перед Мухаммадом, когда он слезал с коня.

– Отведи девушку к деревенским женщинам, пусть они приведут ее в пристойный вид, а потом пришли ко мне, – приказал каид Джамалу, тот покорно поклонился.

При свете факелов Надиру отвели в небогатый дом, здесь женщины занялись ею: вымыли ноги, причесали и накормили; во взорах женщин сквозило горе. Надира спросила кто они, и одна из женщин рассказала, что три дня назад головорезы Ибн аль-Манкута захватили деревню, поубивали всех мужчин и в виде посвящения в рабство изнасиловали всех женщин.

⁴³ Бурнус – широкая мужская шерстяная накидка с капюшоном, национальная одежда берберских народностей.

Затем Надиру привели к кайду, он обосновался в роскошной палатке, поставленной сбоку от мечети.

О приходе девушки возвестил звон множества надетых на нее браслетов и бубенчиков на руках и на ногах. Глаза ей подвели кайялом⁴⁴, но, когда она предстала перед Мухаммадом, краска уже начала блекнуть от слез и стекала по щекам черными полосками до самого подбородка.

– Иди сюда, Надира, подойди! У меня в палатке теплее и удобнее. Зимние ночи могут показаться слишком долгими, если не можешь заснуть, – позвал ее Мухаммад, он сидел на подушках, скрестив ноги.

Надира вошла в роскошную палатку, подошла к горящему очагу и сказала:

– Я знаю, кто ты.

– Поэтому меня не удивляет, что мой шурин позарился на тебя... Было бы странно, если бы он выбрал в жены дурочку!

– Не вмешивай меня в свои семейные дела.

– Ты хочешь сказать «в наши» семейные дела... дорогая свояченица! Знаешь, что сделал мне твой кайд?

– Твоя жена боится тебя... после того, что ты с ней сотворил.

– Не в моих ли руках жизнь и смерть моих домочадцев и подданных?

– Жизнь всякого в руках Аллаха, а не в твоих.

– Но у Аллаха свои замыслы, и поменять их невозможно. Раз с Маймуной случилось то, что случилось, не воля ли на то Аллаха?

– Значит и то, что она не хочет возвращаться к тебе, есть воля Его... смирись и отпусти меня.

Мухаммад расхохотался и объяснил:

– Разные люди в этом мире рождаются: одни терпят свою долю, а других судьба использует, чтобы менять эпохи, времена и народы. Я родился дворянином, и в своих Сиракузах сумел возвыситься, а потом захватить и пол-Сицилии. Я служу Аллаху и Его неисповедимым замыслам, я родился затем, чтобы менять эпохи, времена и народы. Зла в мире нет... нет и добра, а есть только воля Аллаха.

Тогда Надира бросилась ему в ноги, ткнулась лбом в землю и взмолилась:

– Умоляю, государь, моя мать кричала, когда ты вырвал меня у нее из рук, дом затянуло дымом... Отпусти меня убедиться, что она жива и здорова, а потом я вернусь к тебе.

– Увидишь ли ты свою мать, зависит только от Али, от твоего кайда.

Надира подняла глаза, не вставая с колен:

– Не держи меня здесь; люди, которыми ты окружил себя, уголовники и предатели... они причинили огромную боль жителям этой деревни.

– Тебе они ничего худого не сделают, не бойся. Участь высокопоставленной невесты нельзя сравнивать с участью простолюдинок, которых только и отдать солдатне на утеху.

– Но ты обращаешь в рабство даже наших сестер, твои солдаты поубивали всех мужчин!

– Не всех... я приказал оставить в живых крестьян христианской веры. Окружать себя неверными очень выгодно, раз они обильно наполняют мне карманы налогами от джизьи. В восточных иклинах полно неверных и иудеев, это золотая жила для тех, кто там командует.

– Так значит ты джизьей расплачиваешься с этим сбродом наемников? – спросила Надира так же дерзко, как вела себя с Умаром. Она уже поняла, что мольбы не могут подействовать на каменное сердце Мухаммада.

Он пристально и грозно посмотрел на нее и сказал:

⁴⁴ Кайял – пудра, состоящая из нескольких минералов, которая смешивается с животным жиром и с древних времен используется в косметике для подводки век и обводки контура глаз.

– Не будь цели, для которой я сохранил тебе жизнь, не будь у тебя таких глаз и не будь ты так красива, милая моя Надира, я и тебе искромсал бы вены... и еще хуже, приказал бы отрезать тебе язык, чтобы не вмешивалась. Ты у меня в руках, не забывай! Нет сейчас в мире человека, чья жизнь может сломаться так же быстро, как твоя... ниточка из хлопка, которую сжигает пламя, и она рассыпается у меня меж пальцев, – проговорил Мухаммад и потер большим пальцем об указательный.

Будешь приходить ко мне в самом лучшем виде: чтобы было приятно моим глазам. Не разрешаю тебе плакать, раз слезы портят твой лик. Не разрешаю голодать, а то похудеешь. Я сам буду решать надевать тебе или нет джилбаб⁴⁵ в моем присутствии. Но не беспокойся, я не стану покушаться на твою честь, не стану сам и дам никому другому, чтобы ты не обесценилась в глазах Али, и чтобы он не отказался от тебя из-за того, что ты потеряла девственность. Твой каид – оборванец, раб, который поднялся благодаря лестии да посулам, но он способен отказаться от своей простолюдинки, если она не сможет дать ему то, на что он надеется в первую брачную ночь. Ты со своей девственностью пока что стоишь дорого как обменная монета за мою жену. Но если Али окажется тупарем, тогда я на него все силы ада брошу, разорю его земли, перебыю всех его подданных, заберу всех женщин из его городов и продам в рабство, а главное сделаю с тобой все, что захочу. Нападение на твою деревню для многих жителей прошло безболезненно, потому что мы напали молниеносно и с единственной целью похитить девушку с синими глазами, но если Али не послушает меня, тогда многим придется худо и многим придется склониться перед новым каидом... если захотят жить.

– Ибн аль-Хаввас сумеет освободить меня из твоих когтей, я уверена. А мой брат...

– Убили твоего брата! Я сам видел, как он упал. Что заслужил, то и получил, этот лизоблюд!

Надира свалилась на подушки и расплакалась еще сильнее.

– Умар... Умар! – отчаянно звала она, ее охватила боль, ей было страшно жаль, что она весь день ругалась с братом и ни разу не сказала, как он ей дорог.

– Твой брат был славным малым. Он, наверняка, в раю и его приняли как мученика. Да не плачь же, Надира, – цинично утешал Мухаммад.

– Не реви! – прикрикнул он, ему хотелось только одного – чтобы она прекратила лить слезы. – Терпеть не могу, когда хныкают в моем присутствии, – договорил он.

– Вот ты говоришь, что печешься обо мне, в свою палатку пригласил; да как же мне сидеть спокойно при таких словах? Да еще хочешь, чтобы я не плакала...

– А я и не хочу, чтоб тебе было спокойно, хочу, чтобы ты вела себя спокойно в моем присутствии. В следующий раз, когда позову тебя, улыбайся. Это приказ! Ступай теперь. Будешь сидеть с женщинами, но Джамал будет следить за тобой.

Надиру снова отвели к женщинам, которые до этого прибирали ее, и женщины, тоже узницы в четырех стенах, возненавидели ее, думая, что это из-за нее вспыхнула война и на них свалилось лихо.

⁴⁵ Джилбаб – любое длинное и широкое покрывало, которое надевают мусульманки. Такое покрывало отвечает требованию Корана, поскольку скрывает и голову, оставляя непокрытыми только лицо и руки. Оно отличается от хиджаба, который в современном варианте означает платок, обрачиваемый вокруг головы.

Глава 10

Осень 1060 года (452 года хиджры), рабад Каср-Йанны

Когда Али ибн аль-Хаввас уезжал из рабада, возвращаясь в Каср-Йанну, Надира не хотела принять от него для себя никаких даров, хотя каид предлагал ей аж Луну. В конце концов, после тысячи настойчивых просьб Надира попросила, чтобы ей переписали и подарили стихи поэта Мусаба, раз она имеет к ним большее отношение, чем кто-либо другой. Визирь Басыр распорядился наскоро переписать слова на лист дорогой бумаги, привезенной из мастерских Баларма.

Надира умела читать не очень хорошо и вынуждена была бегать к деревенскому имаму⁴⁶, который через три дня чтения и перечитывания стихов, потерял терпение и прогнал девушку. А она тем временем выучила стихи наизусть, а потому вскоре и слуги запомнили многие из строф, которые хозяйка цитировала, когда они стояли рядом. «А ведом ли тебе, властитель мира, Надиры небосвод и бирюза очей ее?» – чаще всего запоминали эту строфу.

Как и предполагалось, весть о скорой свадьбе Надиры и каида стремительно вылетела из стен дома Умара. Жители рабада восприняли новость с таким большим воодушевлением, что Надире становилось страшно неловко, когда перед ней кланялись и всячески выражали почтение даже девушки, вместе с которыми она выросла. И наконец, весть о «Надиры небосводе» и о ее свадьбе с каидом влетела в дом, где жили христиане рабада.

Как-то раз Алфей, глава семьи, изработавшийся человек, который на вид казался лет на двадцать старше, чем на самом деле, позвал за стол всех своих детей. Шел обеденный час, в тот день Аполлония с матерью Катериной тоже пошли на огородное поле вместе с мужчинами помочь им да перекусить вместе, не ожидая вечера. Алфей с Микеле только что закончили поливать участок со спаржевой капустой, опустили заслонку в сакие⁴⁷, проложенной по участку, отложили в сторону мотыги и отправились обедать. Микеле свистнул Коррадо, который с самого утра стоял у шадуфа⁴⁸, поднимал воду из габии⁴⁹ и сливал в маленькие каналы для орошения полей.

Катерина кипятила козье молоко в большом казане, а Аполлония подкладывала в огонь дров, Алфей окликнул всех и велел сесть за стол в сарайчике около поля. Сарацины с самого начала поощряли небольшие земельные наделы и интенсивное земледелие, и использованных хозяйств, разбросанных по острову, было много, и зачастую отстояли они одно от другого не столь далеко, а рядом с полями крестьяне сооружали нехитрые сараишки.

Теперь дети сидели перед отцом, Коррадо, Микеле и Аполлония, а жена все еще занималась готовкой обеда. Алфей узнал новость про Надиру днем раньше. Он слышал, как сыновья судачили о ней, а Аполлония восхищалась девушкой с синими глазами, так что Алфей, как отец семейства, не мог не задуматься о будущем своих трех детей.

– Сестру Умара пообещали в жены каиду, – начал он разговор, сообщив новость, которую все уже знали.

– Отец, да об этом вся деревня говорит! – отозвался Коррадо.

⁴⁶ Имам – духовный наставник в исламе. Обычно это человек, который направляет предписанные обрядом действия верующих во время салата.

⁴⁷ Сакия – небольшой канал для орошения возделываемых земель. Отсюда сицилийское слово «сайя».

⁴⁸ Шадуф – искусное приспособление, которым пользовались еще в древности для поднятия воды с нижнего уровня на верхний; оно состояло из жерди, на одном конце которой висело ведро, а на другой крепился противовес.

⁴⁹ Габия – цистерна, емкость для орошения. Отсюда сицилийское слово «джебья».

– «Надиры небосвод и бирюза очей ее», – добавила Аполлония, потирая руки, чтобы стряхнуть налипшую сажу, она и не знала, что лицо у нее еще чернее.

– Вот бы и тебе каида подыскать, доченька.

– Да что вы говорите, отец? – растерянно спросила Аполлония, она смутилась и ступала.

– Ну понятно, христианского каида, – продолжал Алфей.

– Христианских каидов нету, – откликнулась Катерина, от которой дочь унаследовала фигуру и характер, но теперь на Катерине сказывались и годы, и бедное житье.

– Ну ясно, что не каида, а все равно хочу найти хорошего мужа для Аполлонии.

– Отец, да мне и с вами хорошо! – ответила девушка и мельком глянула на Коррадо.

Ее уже много лет терзало опасение, что придется однажды расстаться с семьей, а значит и с Коррадо, но теперь это опасение стало конкретным, отец изъявил волю, и она почувствовала, что никак не может воспротивиться. С другой стороны, единственным ее оружием было объявить о своем чувстве к Коррадо... но это пугало ее еще больше.

– Не говори глупостей! Никому не хорошо «с вами» в твоём возрасте. Коррадо с Микеле подыщут тебе жениха... из подходящих, само собой... не каида... а все-таки самого гожего из претендентов.

– Но отец, на что вы собираетесь свадьбу играть? Не видите, какая на нас одежда? – заспорил Микеле, он встал и давай вертеться и показывать дыры и заплатки на своей тунике.

– Аполлония – девушка красивая, ничем не хуже сестры Умара. Не будь мы одеты в тряпье – а мы только тряпки и можем себе позволить – она тоже нашла бы себе каида, – отозвался Алфей, повысив тон голоса.

– Вы говорите как любящий отец, но все, чего я хочу для себя, и правда уже есть в этих четырех стенах, – сказала Аполлония, погладив отца по руке, чтобы он не горячился.

Она силилась не смотреть на Коррадо из страха, что все поймут, что она имела в виду своим ответом.

– Ну ладно, отец, скажите, нет ли у вас кого на примете, и мы с Микеле обустроим дело.

Когда Аполлония услышала эти слова от Коррадо, у нее упало сердце. Она годами надеялась, что ее брат почувствует к ней страсть более высокую, чем семейная привязанность, которая установилась за двадцать лет жизни под одной крышей. Она придумала сказку, а теперь весь ее замок рушится. С этого момента взгляд ее стал блуждать в пустоте, она вперила глазами в невидимую точку за дверью.

– Среди христиан Каср-Ианны я не вижу никого, кто мог бы жениться на Аполлонии, чтобы мы хоть немножко разжились.

– Алессандро! Я сам видел, как он за ней приударял, – предложил Микеле.

– Он бабник, – возразил Коррадо.

– Да какая разница? – отозвался Микеле.

– Разница, потому как пороки дорого обходятся.

– Верно говоришь, Коррадо. А к тому же, он уже три раза пытался объегорить меня на рынке. Нет, в Каср-Ианне нету никого. Хочу, чтобы вы, как пройдет Христуйенна⁵⁰ и в полях работать не будут, пошли в иклим Демоны, там народ доселе по-гречески изъясняется, и христиан больше половины. Пойдите туда и сыщите вашей сестре жениха... а после и про самих себя покумекайте.

Коррадо с Микеле переглянулись, и вдруг грохнули хохотом от мысли, что придется искать себе невест.

⁵⁰ Христуйенна – так на греческом языке называется Рождество Христово. В восточной ветви христианства оно соответствует Рождественским праздникам; в наши дни наступает в январе, а не в декабре, как у западных христиан.

– Коррадо, ты бывал в тех местах; что расскажешь про тамошних красоток? – воодушевленно спросил Микеле.

– Мне девять лет было.

– Ну ты же помнишь тамошних баб...

– Помню горожанок Раметты⁵¹... светлицы да кареглазые!

– Хватит вам! – вмешался Алфей и добавил: – Сколько раз наказывал не поминать про те годы? Коррадо считай, что родился в нашем доме!

Парни украдкой понимающе переглянулись: Микеле втихомолку указал себе на грудь, Коррадо прожестикнул, будто у него полные руки, давая понять, что груди у девушек из иклима Демоны налитые. Аполлония заметила: ну это уж слишком! Она расплакалась и, ничего не говоря выскочила, из сарая. Пробежала через поле, уселась в рощице под деревцами сумаха и притихла. В тот день она так и не поела, и когда Коррадо пошел искать ее и прошел мимо, она пригнулась низко-низко, чтобы он ее не заметил.

⁵¹ Раметта – средневековое название города Рометта в провинции Мессины.

Глава 11

Зима 1060 года (452 года хиджры), рабад Каср-Ианны

Перед тем как снова потерять сознание, Коррадо успел заметить икону Богородицы, ту, что стояла в нише на фасаде дома, ставить икону надо было обязательно, чтобы отличить христиан. Микеле притащил его домой на горбу, а Аполлония шла впереди и пробивала дорогу среди бегавших взад-вперед перепуганных сельчан, которые старались потушить горевшие дома и постройки. Пламя пожирало дом Умара, а из амбара десятков мужчин выносил зерно, стараясь спасти как можно больше семян; Алфей тоже спасал посев.

Катерина стояла в двери и плакала, когда ее родные сын и дочь принесли домой третьего сына, который принял муки и чуть не умер, встав за доброе имя принявшей его семьи.

Микеле уложил Коррадо на кровать и бросился назад на подмогу отцу и односельчанам тушить полыхающий амбар.

Аполлония принесла светильник, но замерла в двери, когда увидела, что мать сняла с Коррадо пропитавшиеся потом и ночной росой тунику и штаны и набрасывала на него сухие покрывала. Аполлония не помнила, чтобы когда-нибудь видела Коррадо обнаженным, она покраснела и не стала подходить. Позднее глубокой ночью она снова сидела одна у его кровати, как сидела у столба в прошедшие дни. Прикладывала ему ко лбу влажную тряпицу, может от прохлады жар спадет.

Когда Коррадо открыл глаза, в маленькое окошко лился первый матовый свет, предвещавший зарю, а по рабаду разносились звуки азана, это означало, что духовные дела все-таки перевешивают мирские напасти. Жар спал, и мышцы во всем теле начинали слушаться Коррадо. Кровоподтеки на руках напоминали о причине его немощи и о ненависти к человеку, который так унизил его... именно его, отпрыска гордых нормандцев дворянских кровей.

За двадцать лет семейной обыденности, боевой дух в Коррадо утих. Жизнь в любви, в тепле семьи, с любящими родителями, с верным братом и возлюбленной сестрой возместила ему нехватку своих сородичей, коих он потерял среди людей, которых в детстве его научили презирать. За эти годы чувство унижения оттого, что приходится подчиняться сборщику налогов каида, сначала Фуаду, а потом Умару, возместилось любовью Катерины, заменившей мать, которой он никогда не знал.

Коррадо увидел, что Аполлония спит, положив голову ему на грудь. Он хорошо знал, что сделала для него сестра там у столба, хотя в сознание приходил лишь изредка. Он провел рукой ей по волосам и нежно погладил по щеке и по уху.

Аполлония открыла глаза, но Коррадо не мог видеть, что она проснулась. Осторожная нежность – это все, на что она могла рассчитывать от близости с ним: притвориться спящей и наслаждаться лаской его руки. Она улыбнулась и представила, что вот бы этой рукой двигало другое чувство, но могла надеяться лишь на эти крохи нежности.

– Воды бы глотнуть, – вслух подумал Коррадо.

На его просьбу Аполлония притворяться больше не могла и вскочила с табуретки.

– Сейчас принесу воды, – скороговоркой ответила она, Коррадо подумал, что сестра на самом деле не спала.

– Не надо, мать потом принесет. Не уходи.

Взгляд Коррадо остановился на лице Аполлонии: от уголка рта до середины щеки тянулся большой налившийся кровью синяк.

– Тебя кто-то ударил? – спросил он, коснувшись ее щеки.

Аполлония отступила и ответила:

- Да я и не помню совсем.
- Совсем ничего не помнишь?

На самом же деле Аполлония надеялась, что это Коррадо не помнит, что происходило у столба... что он не отдавал себе отчета, когда Идрис принялся избивать ее, чтобы Коррадо кровь не ударила в голову, и чтобы он не решил свести счеты.

- Кто тебя ударил? – еще раз спросил Коррадо, опершись на изголовье.

Аполлония боролась с собой: с одной стороны она желала уберечь Коррадо от его же характера, с другой стороны, врать ему не хотела.

- Со всеми пожарами ночью, уж какая разница кто ударил?

Вдруг Коррадо стал припоминать все, чему он стал свидетелем этой ночью; теперь он все вспомнил ясно.

- Надиру похитили, – выдохнул он, будто только сейчас осознал, что именно произошло.

– Я знаю, Коррадо... знаю... Бедная девчонка! Красота, брат, есть божья кара, а человек человеком и останется. Джалия все видела, дочь вырвали у нее из объятий. Вся деревня только об этом и говорит, мне Микеле все рассказал, даже то, чего я не знала.

- Умар... этот пес Умар! Я своими глазами видел, как он свалился мертвый.

– Умар жив... и его семья тоже. Они успели выбежать из дома до того, как он рухнул. Но двенадцать человек, Коррадо... двенадцать человек... погибли, защищали раба!

Коррадо охватила скорбь по двенадцати односельчанам, но потом снова поднялась злость на Умара.

- Лучше бы он умер, этот проклятый Умар!

– Тогда лучше я тебе не буду говорить, кто оттащил его подальше от огня, когда он лежал без сознания, а мать из последних сил искала его в доме, в дыму.

- Ты оттащила? – гневно спросил он, ткнув в нее пальцем.

– Нет, мне и тебя-то не под силу было тащить. Это Микеле, когда пришел забрать тебя домой.

- Микеле! – крикнул Коррадо, вот сейчас он спросит с брата.

– Утомись, будь добр! Людям и без того несладко, у нас дома тоже траур. Я видела, как отец вернулся домой в слезах. У нас весь годовой урожай сгорел, а из тех двенадцати многие были нашими друзьями.

- Микеле! – снова позвал Коррадо.

– Плохо кончится, если будешь ругаться с ним... Не позорь больше нашего отца. Ну пожалуйста, Коррадо! – взмолилась она, взяв его руки в свои.

- Чем я его опозорил?

Тут в комнату вошли Алфей с Микеле, они услышали, как Коррадо зовет брата.

Аполлония отпустила руки Коррадо и мигом поднялась с колен, будто отец с братом могли неправильно истолковать ее жест привязанности к Коррадо, будто догадываются о ее чувстве.

– Никто никогда нас и словом не задевал, Коррадо, а теперь по твоей милости мы стали мразью в глазах всех магометан в рабаде, а главное в глазах семьи Умара, – объяснил Алфей, все лицо у него почернело от дыма.

– Так вот почему Микеле сначала побежал спасать нашего врага, а меня уж после? Чтобы смыть позор, который я нанес этому поганцу? – в ярости спросил Коррадо.

– Именно поэтому... Будем молиться Господу, что благодаря Микеле все станет по-прежнему.

- До того, как я вступился за вас, отец?

- Я тебя не просил.

- Да ведь он унижил вас!

- Это они всем заправляют; чего тут необычного?

– Так вот почему вы даже не удосужились прийти, пока я стоял там?

– Надо было дать понять Умару, что мы к твоей выходке никакого отношения не имеем. Гнев Коррадо перешел в разочарование.

Аполлония заметила, что он сник, и постаралась ободрить:

– Ну что ты... в конечном счете, наш отец прав. На что ты рассчитывал, когда поднялся на подневольного кайду человека?

Но Коррадо не слушал ее, он сказал:

– Мой отец, мой родной отец, гордился бы мной, гордился бы, даже если бы я умер там на привязи у столба. А вы меня корите!

Теперь спор принял серьезный оборот. Алфей тяжело осерчал за такие слова, а Микеле тихо стоял в сторонке, он знал, что повел себя предательски по отношению к брату, которым всегда восхищался.

В двери появилась Катерина, ее муж шагнул вперед и молвил:

– Ну и где он нынче, твой родной отец? Предпочел, чтобы его прихлопнули, а тебя одного оставил! А за что, Коррадо, за доброе имя? Чтобы не унижаться? Ну правильно, для таких, как твой отец подобных причин есть больше, чем достаточно, чтобы сдохнуть, а сына на произвол судьбы кинуть. Да только твой родной отец не поэтому не смог вырастить тебя... твой отец из-за денег окочурился!

Коррадо вскочил с кровати, но увидел, что стоит нагишом, и прикрылся как мог покрывалом, под которым лежал до этого; Аполлония тем временем вмиг отвернулась.

– Он был солдатом! – прокричал в ответ Коррадо.

– А я крестьянин... мне хозяину угодить надо!

Коррадо сделал шаг к Алфею и ответил:

– Вот почему вы двести лет нехристям зады лижете. Сдается мне, что привкус грязи на зубах вам нравится. Вот почему мои сородичи овладели противоположным берегом пролива, а вы тут позволяете, чтобы вас по щекам хлестали за то, что налог не заплатили. Рауль всегда говорил: «Проклятые греки!».

И Коррадо выбежал из дома.

Чувствовал он себя противно, прежде всего за только что сказанные слова. Человек, которого он так оскорбил, в один благословенный день приютил его у себя в доме и вырастил наравне с кровными детьми, а теперь Коррадо повел себя неблагодарно, принизил его, сравнив с родным отцом, без которого он остался в девять лет. С другой стороны, чего он добивается от семьи, которая и могла-то выжить, только повинувшись хозяину? Коррадо родился с горделивой душой, это правда, но она никак не сочеталась с кротким нравом Алфея. В какой-то момент, когда он сидел под смоковницей позади дома, все еще завернувшись в покрывало, он пришел к заключению, что это он лишний в этой семье, что из-за своего характера причинит только напасти людям, которых любит больше всего на свете. Холодало, а он еще не совсем поправился, но в этот момент ему пришло в голову решение уйти. Сердце у него в груди забилося часто и сильно, он задыхал всей грудью. Последние двадцать лет словно улетучились; и в двадцать девять лет Коррадо ощутил себя девятилетним, как будто он никогда не жил в рабаде.

Из дома в слезах вышла Аполлония, а он все так и сидел, погрузившись в свои думы.

– Ты еще не поправился... вернись в дом, ну пожалуйста, – попросила она его.

Но Коррадо довольно улыбнулся, вспомнив о решении, поспешно принятом несколько минут назад.

– Я рад, что Микеле спас Умару жизнь, – ответил он, немало удивив Аполлонию.

– Какое это имеет отношение?

– Имеет, потому что мне пришло время поступать так, как принято у моих сородичей.

Потребую ответа от Умара за то, что он мне сделал, и отплачу Идрису за то, что он сделал тебе. Не думай, я все видел этой ночью!

- Тебя убьют!
 - Ну и пусть, потому что это не жизнь... это ползание на брюхе!
 - Подумай, мы не так уж плохо живем... Пока Умар не ударил нашего отца, никогда ничего худого нам не делали!
 - Раз Умар вдруг изменился, значит и я изменился.
 - А если на нас отыграются?
 - Микеле с отцом сумеют оправдаться, отрекутся от меня также, как отреклись в эти дни. Аполлония бросилась ему в ноги, обняла.
 - Я не дам, даже если придется рассказать все отцу.
 - Ты не расскажешь, сестра, ты от меня ни разу не отвернулась.
- Аполлония подняла глаза и пристально посмотрела на него... Он ласково провел пальцем ей по щеке.
- Мечь ведет человека к гибели. Ты сам рассказывал, что двадцать лет назад христиане проиграли войну из-за мести того предводителя...
 - Лангобарда Ардуина... но это не из-за его мести христианская армия вынуждена была отступить за море; это потому, что его генерал решил всенародно унижить его... также, как Умар унижил меня.

Глава 12

Начало лета 1040 года (431 года хиджры), долина к востоку от Трагины

Прошло несколько дней, может неделя, может больше, все это время Конрад не переставал ходить в церковь на холме. Спал там, ел, молился и понемногу стал перебрасываться парой слов с приходившими туда на молитву людьми, а больше всего с греческими монахами, которые говорили на языке ойль, но и с некоторыми слугами и солдатами, охранявшими лагерь. Конрад провел в пещере так много часов, что в краткие моменты, когда он выходил из нее, яркий солнечный свет слепил ему глаза до боли. Он выучил все лики, написанные на иконах, запомнил имена всех святых, особенно ему нравился лик святого Андрея, открывшего уста в молитве и выводящего дланью знак триединства; именно этот святой высился над отцовской могилой.

Рауль со товарищи днями напролет носился по полям, теперь они возвращались из погони и въезжали в лагерь с основными силами войска. Шли ранние послеполуденные часы, Конрад услышал, как в долине шумно и весело кричали, он мог поклясться, что среди палаток что-то празднуют.

Вскоре его опекун поднялся на холм:

– Выходи, сынок!

Конрад вышел, но остался стоять у расщелины.

– Вся армия возвращается.

– Это вы будете праздновать победу... а я в трауре по моему отцу.

– Многие солдаты потеряли в битве какого-нибудь родича, кто брата, а кто даже отца...

Несколько дней назад они тоже хоронили своих усопших, и не в таком прекрасном мавзолее как этот, а прямо на поле. Но теперь надо веселиться нашим победам... они погибли и за это тоже.

– Не хочу уходить от отца, – возразил Конрад. – Вдруг какой-нибудь неверный осквернит его могилу? – привел он еще один довод.

– Милосердный Бог накажет его, но убить твоего отца дважды невозможно. Сегодня будем праздновать вместе, а после положим в карман жалованье и вернемся в Сиракузы подсобить нашим, которые остались там, и возьмем город. Большая у нас добыча в эти дни... Одному Богу ведомо, сколько деревень мы разграбили, когда гнались за врагами и обратно! Каждый получит свою долю, а тебе причитается доля твоего отца.

– Я ее не заработал.

– А что ты заработал из того, что отец даровал тебе? Слушай, парень, твои капризы начинают действовать мне на нервы! Мне сегодня даже не верилось, что ты тут больше недели просидел. Но я тебе не отец, и если не сумею выполнить обещание, которое дал ему, то уж лучше голову тебе оторву двумя пальцами, чем позволю путаться зазря у меня под ногами!

– Чего вам от меня надо? – спросил тогда Конрад, подняв голос.

– Чтобы ты вдолбил себе в башку, что твой отец умер, и прекратил хныкать. И знай, я был другом Рабея, а не твоим, так что я с тобой цацкаться не стану, а вот подвешу на хоругви и все, если не будешь меня слушаться.

– Возьмите долю моего отца себе, и отстаньте от меня.

Сказав это, Конрад повернулся и шагнул обратно в пещеру, но Рауль ухватил его за шею и приподнял метра на два от земли. Пальчища Рауля почти сомкнулись не шее мальчика, сжимая так, что глаза у Конрада вот-вот выскочат из глазниц.

– Меня прозвали Раулем Железный Кулак, и думаешь я позволю тебе, сопляку, оскорблять меня? Мне ничего не стоит раздробить тебе башку прямо тут о камни! – заорал он, словно бес в аду.

И разжал кулак, мальчик неуклюже упал на землю.

– Если кто-то увидит, что ты меня ни во что не ставишь, это подорвет мою репутацию. Я убивал людей и за гораздо меньшие проступки! Благодарю отца и мое доброе имя, если я не задушил тебя сегодня. А теперь поднимайся и ступай за мной в лагерь!

Конраду это ранило больше не тело, а душу, он старался не смотреть Раулю в глаза, все еще сидел, сжавшись в комочек, на сухой траве. Даже отец никогда не одергивал его так грубо.

Затем увидел, как огромная ладонь Рауля приблизилась ему к лицу; он зажмурил глаза, подумав, что сейчас его в самом деле задушат.

– Вставай и пойдем со мной. Покажу тебе, как жил твой отец, познакомлю с его друзьями, напою тем, что пил он, и свожу к женщинам, которые ему больше нравились, – позвал Рауль, подавая руку, тон его голоса смягчился.

Конрад взял опекуна за руку, поднялся на ноги, вытер слезы, которые текли у него по веснушкам, и постарался улыбнуться.

– Ну вот, так и надо! – похвалил его великан, повернулся спиной и зашагал вниз с холма.

– Рауль! – окликнул его Конрад.

– Чего еще? – с нетерпением ответил тот.

– Хочу, чтобы вы взяли меня с собой в следующую битву.

Рауль расхохотался; он был доволен, что его метод воспитания пошел мальцу на пользу, но смачно расхохотался.

– Чего-чего тебе, сопляк?

– Вы собирались научить меня жить, как мой отец... ну вот и возьмите меня тоже в бой. Отец учил меня драться на мечах, едва я ходить начал. Я умею!

– Сначала покажешь сноровку, как только выдастся случай. А что до войны... так вот, сынок, сперва надо подготовить сердце... надо научиться ненавидеть!

– Я уже умею ненавидеть! Дайте мне магометанина, и увидите, как я искрошу его на кусочки.

– Этого мало, у тебя мало силенок.

– Дайте мне ваш топор, и я это оливковое дерево в три взмаха срублю.

– Ты мой топор и поднять-то не сможешь! Пойдешь со мной в битву, но не сейчас. В регулярные войска Константинополя берут мужчин, которым исполнилось, по крайней мере, восемнадцать лет. У нас, конечно, не ждут совершеннолетия, мы не такие хлюпики, но пускай у тебя хоть щетинки на подбородке проклюнутся, потом и пойдешь.

– В следующем году? – наивно спросил Конрад.

– В следующем году... так и быть, – согласился Рауль, чтобы мальчишка отстал от него.

– Я отомщу за отца!

На этот раз Рауль не ответил, лишь положил руку мальчику на плечо и снова зашагал с холма.

В лагере кишмя кишел народ; раньше лагерь Конраду не казался таким большим. Чувствовался дух веселья, и солдаты вокруг смеялись и перешучивались, на этот раз разные племена не сидели недоверчиво в сторонке одно от другого. У дороги около больших палаток топтался какой-то незнакомец, возле него стоял полный ящик странных железных рогулек с выступающими остриями. Рауль взял одну рогульку в руки, показал его Конраду и сказал:

– Видишь эту штуку, малец? Вот чем Абдулла хотел разгромить нас, разбросал по полю сотни таких железок. Но у наших коней подковы широкие, и эти шипы нам ничего не сделали. Начинай кое-чему учиться про войну.

Не переставали подъезжать телеги с награбленным добром, с ними шли солдаты регулярных войск, все телеги съезжались на широкую поляну перед главной палаткой – палаткой Георгия Маниака; конечно же, сами телеги и быки тоже составляли часть добычи. На некоторых телегах сидели мужчины и женщины, которых схватили во время набегов: это были несчастные мавры из местных жителей, которые не успели спрятаться. Многими из этих женщин солдатня поживится во время увеселений в качестве посвящения женщин в рабство, после чего их в виде добычи отошлют на материк семьям новых хозяев. Женщины будут прислуживать при дворе родовитых семейств, а мужчины станут крепостными, или же мужчины и женщины попадут в руки иудейских работорговцев, а те распродадут их на рынках по всему Средиземноморью. Теоретически христианам было запрещено торговать напрямую обращенными в рабство людьми, но истина заключалась в том, что перепродажа пленных приносила большие доходы всем, христианам и нехристям.

Пришли представители горожан Раметты, они принесли груз провианта, предназначенного для войска. Раметта возвышалась на неприступном месте над Карониями, под власть сарацин она пала лишь в 965 году последним из сицилийских городов и считалась оплотом христианства на Сицилии и примером героизма, проявленного при защите веры. Георгий Маниак снова овладел городом вскоре после того, как пересек пролив, завязав кровопролитную сечу, в которой заплатились кровью большей частью нормандские воины. Теперь жители города поддерживали христианский поход, как только могли, присылали людей и провиант. Поддерживали поход и жители Ринациума⁵² – так назывался город в официальных документах – в нескольких милях к западу отсюда, город был довольно крупным населенным пунктом, который стоял ближе всех к лагерю.

Вскоре пришел Танкред, он нес бурдюк вина.

– Кое-кто уж три бурдюка выпил! – сказал он, подавая Раулю бурдюк.

– На, глотни! – пригласил Рауль Конрада и передал ему вино.

Мальчик взял бурдюк и отхлебнул большой глоток, сморщился и едва проглотил. Рауль с Танкредом смачно расхохотались при виде мальчика, который старается подражать взрослым, но у него не получается.

– Я так думаю, что по бабам ему рано пока! – произнес Рауль, давая понять, что раз Конрад с вином не может справиться, уж куда ему до женщин.

– Чего ты хочешь? Девять лет всего, – отметил Танкред.

– Я в девять лет в первый раз с потаскухой уединился! – ответил Рауль, хотя, наверняка, сморозил глупость.

Это было последнее, что Конрад услышал, будучи в здравом уме. После второго глотка вина в глазах у него все поплыло, он уже не различал отдельных голосов в непрерывном приглушенном гомоне тысячи ртов, говоривших на десятке различных языков.

– Слышь, Кулак, твой сыночек, вроде бы, вовсе скис... – отметил их приятель Жоффруа, тоже нормандец из дворянской семьи.

– Это не мой сын, это сын Рабеля... Сын Рауля Железный Кулак сумел бы выпить и лаву из этой горы, – похвалился Рауль, детей-то у него все равно не было, и указал на Джябаль.

– Бабы, кости и вино... около палатки варяжской гвардии гуляют всюю! – воскликнул подошедший солдат, он был навеселе и тяжело дышал.

Отправились к варяжской палатке, но едва дошли до палатки командующего, остановились посмотреть, в чем дело. Конрада совсем развезло, он плелся за друзьями своего отца, не понимая зачем, не зная куда. Десятки и десятки людей: солдаты всех родов войск, монахи и даже женщины, которые еще не совсем привели себя в порядок после того, как им задрали юбки – стояли вокруг палатки, собираясь на что-то поглазеть. Стояли, не издавая ни звука,

⁵² Ринациум – вероятное средневековое название города Рандаццо в провинции Катании.

веляло тревогой, как когда ждут, что вот-вот случится что-то ужасное. Подошли и бойцы из варяжской гвардии, те, которые, по рассказам, гуляли от души, все стояли и напряженно смотрели в сторону палатки. Рауль протолкался в середину, отодвинув стоявших впереди него; Танкред, Жоффруа и Конрад воспользовались случаем и тоже подошли поближе.

Из палатки Георгия Маниака вышло четверо солдат, четыре константинопольских стратиота⁵³, их можно было распознать по доспехам и средиземноморскому облику. Сейчас что-то случится, вокруг палатки выстроились кольцом другие солдаты из ромеев⁵⁴... калабрийцы, македонцы и апулийцы, они плотно обступили палатку из опасения, что кто-нибудь из толпы решит вмешаться.

Танкред обернулся к стоявшему рядом с ним солдату, который, наверняка, подошел с самого начала и все видел:

– Эй, друг, что за буза?

Тот прикрыл рукой рот и прошептал:

– Да Маниакес⁵⁵ с Ардуином... вроде как размолвка у них вышла.

– Из-за чего?

– Да они по-гречески говорили, я не все разобрал... ну вроде...

– Так из-за чего?

– Да вроде из-за коня поцапались.

Добычу уже начали снимать с телег, и верные люди раскладывали добро по кучкам в зависимости от разновидности. И точно, около телег стоял прекрасный арабский чистокровный скакун, черный как смоль, шкура на нем блистала. Стратиоты подошли к коню и потянули за поводья к палатке. Из толпы выступило несколько лангобардов⁵⁶, но стоявшие кольцом солдаты наставили на них копья, и те отступили назад.

Из палатки, уперев руки в бока, вышел Георгий Маниак, он пылал гневом. Единственным глазом он злобно обвел стоящую кругом толпу. Потом возопил по-гречески, но все отлично поняли:

– Ну, кто еще надумал против стратига⁵⁷ вставать?

Вопрос предварял то, чего все ожидали.

Четверо стратиотов, которые увели коня, теперь, будто брыкающуюся скотину, силой волокли из палатки командующего контингентом лангобардов Ардуина. Ухватили его за бороду, чтобы он подчинился волеизъявлению Маниака, и привязали к флагштоку, стоящему на углу около главной палатки, на флагштоке развевалось знамя Константинополя с двугла-

⁵³ Стратиот – солдат регулярной армии Византийской империи.

⁵⁴ Ромей или рум – так в Средние века называли граждан Византии; наименование «рум» арабского происхождения. Дословно «римляне», поскольку Византия была именно Восточной Римской империей. Название «византийцы» появилось в языке позднее.

⁵⁵ В романе имена собственные приводятся, по возможности, так, как они предположительно произносились на родном языке. Это относится, прежде всего, к разговорным языкам нормандцев и арабов. Что же касается латинской вульгаты, я предпочел оставить имена на языке романа, то есть на итальянском. Таким образом, произносимое по-итальянски имя «Маниак» становится на языке ойл «Маниакес», по-гречески Маниакес, а по-арабски Маниакис. Естественно, есть исключения, Руджеро на старофранцузском языке становится Роджер, и таким же остается на арабском, поскольку, со всей вероятностью, мусульмане знали своего современника именно под таким именем. По тем же соображениям имя «Мухаммад» так и остается и на языках, отличных от арабского. Коррадо – у нормандцев Конрад – остается «Коррадо» и на арабском, поскольку он жил в их обществе, и под таким именем они его знали.

⁵⁶ Лангобарды – в точном значении это название обозначает потомков германских племен, захвативших итальянский полуостров в VI веке, но в широком смысле так называли всех жителей Италии, которые, с севера до юга, находились под властью этих племен, а значит так звали и выходцев из местных народностей (из Кампании, Лукании и так далее...). В XI веке лангобарды официально говорили на латинском языке, но выражались на романских диалектах мест, где они проживали. После нормандского завоевания юга Италии появившееся наименование «ломбардцы» стало обозначать только жителей Северной Италии.

⁵⁷ Стратиг – командующий корпусом армии Византийской империи и руководитель территориальной единицы, переданной корпусу в управление.

вым орлом. Маниак выхватил из рук подбежавшего слуги плеть, сорвал в несчастного Ардуина одежды, обнажив спину и зад, и собственноручно принялся полосовать его. Ардуин гордо и упорно не издавал ни звука.

Командовать людьми – дело трудное во все времена, всегда есть опасность, что потрафишь одному, да останется недовольным другой, но Георгием Маниаком не был доволен никто, за исключением простонародья, считавшего его освободителем христианства, все же остальные его ненавидели.

То, что происходило на глазах у всей армии, было делом невероятным: унизили, как простого раба, командующего вспомогательных войск... командующего! Маниак полагался на основную часть войска, на регулярные полки, которыми он командовал непосредственно, поэтому предъявлять им требования и заставить уважать себя ему было легче. Ардуин же командовал контаратоями, воинами, вооруженными щитами и копьями, завербованными силой в Апулии; ясно что, за исключением какого-нибудь верного лангобарда-дворянина, никто за него не заступится.

К тому же, поссорились Маниак с Ардуином из-за пустяка.

Короче говоря, Ардуин отказался отдать того прекрасного чистокровного арабского скакуна своему генералу, своему стратигу, и из-за этого вышла ссора, в которой ни тот, ни другой не хотели уступать. На сотый отказ Ардуина, Маниак решил укротить его, преподнеся хорошенький урок за неповиновение.

Но грубая сила не всегда разрешает споры, более того, очень часто последствия рукоприкладства и злоупотребления властью оказываются гораздо более досадными, чем основания для их применения. Последствия, которые вызвало избиение Ардуина, не мог представить себе даже сам Маниак, который, по правде говоря, из-за своего отвратительного характера часто реагировал под влиянием сиюминутного порыва, не подумав, что из этого может выйти. Кроме того, тогда как солдаты считали победу в сражении огромным успехом и хотели погулять от души, Маниак считал обращение Абдуллы в бегство провалом. И все по вине флота, который допустил, что под прикрытием гор сарацинский эмир погрузился на корабли и уплыл в столицу Баларм. Командовал флотом и должен был поддержать войска Маниака Стефан Калафат, но его умение командовать не шло ни в какое сравнение с воинскими способностями генерала. Стефану доверили командовать флотом только потому, что он был зятем императора, а заслужил ли он звания, во внимание не принималось, именно из-за этого Гергий Маниак его терпеть не мог.

– Так будет со всяким, кто встанет поперек Георгия Маниака! – закончил генерал, выбросив вперед руку, в которой сжимал плеть, и еще раз оглядел толпу.

Люди начали расходиться, но было ясно, что от вида окровавленной спины Ардуина у всех пропало желание веселиться. Лангобарды отвязали своего военачальника и перенесли в палатку. Избиением дело не кончится, это знали все...

Рауль с друзьями хмуро вернулся в отведенную им часть лагеря; даже вино и женщины в тот вечер уже не так привлекали.

Ближе к закату, когда они остались одни, Рауль оперся на жердь, к которой он привязал своего коня, и произнес:

– Сегодняшнее избиение ни в какие ворота не лезет!

– А я говорю, что нам надо было вмешаться, – подключился Танкред.

– Мы подчиняемся Гвемару Салернскому, а не Ардуину, – ответил Рауль.

– Ардуин тоже подчиняется Гвемару. Нас один и тот же хозяин нанимал.

– Вот пусть его хозяин и вернет ему поруганную честь! Ведь Гвемар тоже вроде бы лангобард? – отозвался Жоффруа, согласившись с Раулем.

– Вопрос не в происхождении и не в родстве, а в том, что ни один дворянин, более того, если он из знатной семьи, не заслуживает такого обхождения. Мы что, не вмешались бы, если бы на месте Ардуина был Вильгельм де Готвиль?

– Вильгельм ему зубами сердце вырвал бы! – воскликнул Рауль.

– Но Вильгельм не торопится нарываться на ссору с этим македонцем, с этим проклятым бешеным псом! – слышался голос... но говорившего было не видно.

Трое солдат почтительно склонились, дав понять, что подошел человек важный.

– Вильгельм, мы говорили только потому, что болтовня входит в жалованье, – с некоторой иронией стал оправдываться Танкред, именно он не сомневался, что их контингент вмешался бы.

– Танкред Длинный Волос, как-нибудь при случае расскажете мне, отчего вас так прозвали, – ответил Вильгельм, он же Гильом де Готвиль.

– Длинным Волосом звали моего деда... а я всего лишь унаследовал прозвище.

Вильгельм взглянул на самого рослого воина, и взгляд его сразу же упал на стоявшего рядом Конрада.

– Рауль Железный Кулак, вам делает честь, что вы взяли на себя заботу о мальчике.

– Вильгельм, с моим братом Рабелем меня связывает нечто большее, чем кровные узы.

– Это говорит о том, что за вашим топором кроется доброе сердце...

Он помолчал и продолжил:

– Как бы то ни было, знайте, что я только что был в палатках варяжской гвардии... и наказание Гаральду тоже не понравилось.

– По-моему, оно никому не понравилось. Нельзя так унижать полководца! – отозвался Танкред.

– Я уверен, что будь я на месте Ардуина, вы не стали бы стоять в сторонке и смотреть.

– Так и есть, Вильгельм! – сказал Жоффруа.

– Но это стало бы самоубийством! Ардуин тоже это знал.

– По мнению Ардуина это будет самоубийством, даже если вмешаются завтра... или послезавтра... или через месяц, – согласился кто-то еще, он только что подошел.

А подошел младший брат Гильома Дрого, которого все звали Дро. Он стоял спиной к закату солнцу, и в полутьме опускающейся ночи его тотчас узнали по нашитому на тунике гербу благородного нормандского семейства из нижнего течения Сены; с ним подошло еще человек пятьдесят, и разговор начал принимать вид надвигающегося мятежа.

– Ну да, ардуиновы контаратои не годятся даже поля удобрять, когда сдохнут, – ответил Гильом.

– Но так и знай, Гвемар смотреть не станет, когда новость дойдет до него в Салерно. Я уверен, что решение, которое он примет по поводу Ардуина, будет в силе и для нас. И тогда Маниак будет иметь дело не только с контаратоями Ардуина да с горсткой его верных людей, а подключится весь нормандский контингент... и один Бог знает, насколько мы страшны! – объяснил Дрого.

– А варяжская гвардия? Личная охрана императора Михаила на чью сторону встанет? – спросил Жоффруа.

– Гаральд Гардрад со своими людьми ненамного от нас отличается, они по тем же соображениям воевать пошли. Это я говорю не только потому, что мы из одних краев родом, из северных земель, говорю потому, что я слышал их разговоры. Бог меня накажет, если я ошибаюсь! Если Гаральд увидит, что ему недоплачивают, Маниаку придется иметь дело и с ними тоже, – ответил Гильом.

– Так что нам делать? – растерянно спросил Жоффруа.

– Пока ничего. Маниаку, наверное, уже донесли о нашем негладном вече – у него во всей армии соглядатаи есть, – и он наверняка уже готовится к самому худшему, то есть к отказу

воевать всех вспомогательных контингентов. Не будем торопиться, посмотрим, чем все обернется. Подождем, чем ответит Ардуин. А все-таки рисковать нам нельзя, нельзя, чтобы эта греческая лиса застала нас врасплох... так что, братва, доспехи не снимайте, мечи держите все время при себе и не ходите в одиночку. Не напивайтесь сегодня ночью, а к бурдюку пусть прикладывается тот, кого больше шатает трезвым, чем пьяным. Не ходите по бабам, да не снимайте штаны. Спите по очереди, и ждите моих указаний, – распорядился Гильом, но по тону голоса казалось, будто он дает дружеский совет.

Он помолчал и добавил:

– Долгой будет сегодня ночь, но пока к нам проявляют уважение с той стороны, условий найма мы не нарушим. В прошлом некоторые из нас уже воевали с ромеями... они знают, что я имею в виду, когда говорю, что ничего не надо считать само собой разумеющимся ни на войне, ни в мирное время. Так что, по палаткам, братва, но спите только одним глазом.

После его слов негданное вече – как назвал его Гильом – начало расходиться. Ночь будет длинной, одной из ночей, которые несут совет, одной из бессонных ночей, когда воины начеку и готовы к чему угодно. Когда ни один солдат не расстается с боевым оружием, положил его около подушки, а в доспехах, как водится, спрятан кинжал.

Во всей этой смуте казалось, что Конрад тревожится больше всех, не потому, что у него оружия еще не было, и не потому, что не вышел летами, и в этом возрасте все видится огромным и страшным до жути, а скорее потому, что вдруг ему придется покидать лагерь впопыхах, и он не сможет сходить в последний раз на могилу отца и попрощаться.

Глава 13

Зима 1060 года (452 года хиджры), в стенах Каср-Йанны

С момента, когда Мухаммад ибн ат-Тумна напал на рабад и похитил Надиру прошел всего один день и одна ночь. Посыльные Али ибн аль-Хавваса спустились с горы посмотреть, отчего занялись пожары, которые они разглядели в ночной темноте, но никакого толку от их прихода не вышло; как вернулся ни с чем и десяток солдат каида, которых он затем отправил на поиски Надиры и похитивший ее людей.

Крестьяне похоронили двенадцать несчастных собратьев, которых зарубили головорезы каида Катании, в основном, мужчин, стоявших в тот день на дозоре, и в приступе всеобщей горячки во всем рабаде стали второпях собирать пожитки. К стенам Каср-Йанны потянулась длинная вереница мужчин, женщин и детей, они волокли за собой скот и телеги, у кого-то в телегу был впряжен мул, а кто-то впрягся сам, шли туда, где упали на защиту, которой в рабаде не получили. Въехав в город, люди начинали искать местечко, где бы пристроиться: у кого-то в городе была родня, и они пошли к ним просить приютить; те, у кого родни не было, останавливались около жилищ и мастерили временный кров. В гуще беженцев пришел и Алфей, он тоже решил бросить мотыгу да укрыться в Каср-Йанне.

Коррадо еще не совсем оправиться, он был слаб, и его все еще мучили приступы лихорадки. Аполлония уговорила его отложить пока мысли отомстить, сейчас перво-наперво надо было сделать все необходимое, чтобы как-то обустроиться на новом месте. Алфей с сыновьями, как искусные бедуины, ставили палатки около полей, которые возделывались в Каср-Йанне, как раз напротив одного из знаменитых садов славного города. Сюда-то и нагрянул к Коррадо незванный гость.

Явился Умар, вид у него был спесивый и наглый, подошел к палатке христиан рабада, ввалился, не удосужившись спросить разрешения, да так, что угол палатки повалился.

– Коррадо, а ну выходи! – заорал он.

Коррадо разжигал огонь, семья стояла кругом и ждала, что вот наконец-то можно будет погреть заледеневшие руки.

Коррадо поднял голову, невозмутимо глянул на Умара и ответил:

– Погоди малость, огонь разожгу.

– Выходи... живо! – опять гаркнул Умар, приложив руку к голове, к тому месту, куда его ударили два дня назад.

– Обожди меня у сада.

Умар гневно вышел.

– И чего ему еще от нас надо? – забеспокоившись, спросила Катерина.

– Вот я о том и говорил, что из-за твоей выходки нам покоя больше не будет, – отозвался Алфей.

– Видно мало этому скоту, что Микеле ему жизнь спас! – рассудил Коррадо.

– Придержи-ка язык да слушайся хозяина! – прикрикнул Алфей.

Но Коррадо выхватил у матери нож, которым она чистила померанец, привезенный из низлежащих долин, сунул его за пояс и вышел из палатки, вырвавшись из рук Аполлонии, которая попыталась удержать его за рукав.

– Сидите тут! – прикрикнул он перед уходом на родных.

Умар стоял и ждал его под миндальным деревом, позади в десятке шагов у него за спиной стояли мать и жена.

– Не хватило тебе, что мой брат твою жизнь спас? Чего еще надо от меня?

– Микеле искупил твою прошлую вину, но поступок его не может искупить вину сегодняшнюю.

– А те два дня я провисел у столба и чуть не умер во искупление чего?

– Ты провисел лишь затем, чтобы такие неверные свиньи, как ты знали свое место!

Рука Коррадо сама потянулась к поясу, но как только он ощутил шершавость рукояти под пальцами, отвел руку.

– Ну так чего тебе.

– Прихвостни некоего Салима похитили мою сестру.

– Это давно все знают, Умар. Надо же... аккурат твою сестру, ведь ты ей так завидуешь, а тут взял да дал из-под самого носа умыкнуть... как раз у тебя, а ты-то хотел, чтобы народ у нее ничего, кроме глаз, не видел... Тебе что в голову взбрело, когда ты впустил в дом того лиходея? Думал вволю похвастаться Надирой перед чужаком и ничего не будет? Даже я спрятал бы свою сестру от сторонних глаз. А ты поводит заячьей тушкой перед волчьей пастью, а теперь сетуешь, что волчище ее схватил? Эх, Умар... Умар... вырос наш парень, а ума не набрался!

Умар выхватил висевший на поясе меч и замахнулся на Коррадо.

– Давай, давай Умар... руби! А потом иди спрашивай у лисиц, что рыскали той ночью по рабаду, что сказал мне твой Салим. Ведь я знаю, что ты за этим пришел сегодня ко мне.

Умар вложил меч в ножны и ответил:

– А раз знаешь, что же не пришел вчера ко мне да не сказал?

– Я подумал, что твой каид сказал тебе уже все, что хочешь знать. Или надо думать, что он тебя даже не принял?..

– Я говорил с каидом, он сделает все, чтобы вернуть Надиру домой. Заплатит выкуп, а потом переловит бандитов, которые осмелились нанести ему такое оскорбление!

– Так вот как он сказал? О выкупе говорил? – растерянно повторил Коррадо.

– Наши с каидом разговоры тебя не касаются. Выкладывай только, что тебе сказал этот проклятый Салим.

– Я тебе ничем не обязан... ты прекрасно знаешь.

– Ты мне жизнью обязан; раз ты все еще дышишь, так это только по моей милости.

– За мои слова тебе придется дать что-нибудь взамен.

Умар потерял терпение и опять схватился за меч, но в ту же секунду Коррадо сжал руку Умара на рукояти своей ладонью так, что вытащить меч Умар не мог. Тогда другой рукой Умар схватил Коррадо за горло и стал душить, но ослабил хватку, когда почувствовал, как в брюхо ему упирается лезвие ножа.

– Кишки бы тебе выпустить, Умар... но не хочу, чтобы на семью моего отца свалились все грехи.

При виде надвигающейся драки, Джалия бросилась к ним.

– Не надо, Умар, не то делаешь!

Коррадо снова засунул нож за пояс, а Умар отступил на пару шагов, понимая, что его едва не убили.

– Дай я сама поговорю с христианином, один на один, – попросила Джалия.

– Да ты спятила?

– Будь добр, Умар. Коррадо не откажется выслушать слова матери.

– У него нож!

Но Коррадо отозвался:

– И ты думаешь, что я твою мать могу зарезать? Меня, вроде, не Умаром зовут и не всякими идрисами, как твоих прихвостней, думаешь, я тоже женщин избиваю; вон у Аполлонии все еще синяки!

– Умар, отойди к жене, сделай милость.

Сборщик налогов каида нехотя отошел, оставив мать наедине с Коррадо.

– Коррадо, мне тоже жалко твою сестру... знаю, что тот подлец отхлестал ее. Но никакой вины Умара в этом нет... это не он приказал. А к тому же, ты сестрины синяки можешь еще увидеть... вот бы и мне одной горести, что избитую девчонку выхаживать!

– Мне жаль твою дочь.

– Люди стали судачить, что тех двенадцать в рабаде убили из-за надириных глаз, что такие странные, небывалые глаза той ночью принесли свои плоды; что шайтан⁵⁸ связал с глазами Надиры вожделение, которое ведет в ад! Теперь на нас все смотрят косо.

– Ну и что тут страшного? На нас вон всю жизнь косо смотрят.

– Коррадо, не глумись! Я своими глазами видела той ночью, как чужак разговаривал с тобой, прежде чем скрыться.

Коррадо готов был выложить все начистоту убитой горем матери, но в то же время рассудил, что его семья всегда жила и живет в притеснении, и решил выпросить что-нибудь взамен.

– Вы где остановились?

– Каид разрешил нам устроиться в небольшом доме, он уже обставлен кроватями и прочим. А что?

– За то, что расскажу тебе, пусть мою семью устроят в таком же доме как ваш. Ночью похолодает, а у нас и ни дров не хватит, ни покрывал, чтобы не замерзнуть.

– Этого мы исполнить не можем. Нам в этих стенах ничего не принадлежит, как мы можем кого-то устроить в каком-то доме?

– Там, где поселил вас каид, наверняка, достаточно места.

– Закон пророка запрещает спать под одной крышей с зимми больше трех дней подряд.

– Тогда пусть будет на три дня... потом попросишь у своего будущего зятя каида найти вам другой дом.

– Может конюшня подойдет? – спросила Джалия, имея в виду, подойдет ли такое пристанище христианам.

– Если ваш закон ничего не говорит по поводу житья под одной крышей с мулами, тогда подойдет и конюшня.

У Джали от таких слов дух перехватило, она отметила, что наглости Коррадо нет границ.

– Хочешь унижить нас? А за что? Мало того, что ты мне сделал?

У Джали на глаза навернулись слезы.

При виде слез и при ее словах лицо Коррадо вдруг запылало от стыда. Он отвернулся, уставился на стоявшие неподалеку деревья, лишь бы не смотреть в глаза Джале.

– Я тебе ничего не сделал, – выдавил он, все также глядя вдаль, на детей, которые играли, сисясь изловить убегающую от них курицу.

– Я знаю, что ты был там... и ты тоже знаешь, что я тебя видела. Ты смотрел на меня, а я смотрела на тебя; тут ты не ври! Когда через год после этого я снова увидела тебя в рабаде, всей душой пожелала тебе смерти. Если бы я рассказала всем, что случилось, я уверена, что мое желание исполнилось бы; но что стало бы потом с Надирой, с ее спокойной жизнью? А тебе было столько же лет, сколько Умару, и мне было совестно перед Аллахом желать смерти десятилетнему мальчонке, еще постыднее, чем встречаться с тобой на улице. Я ненавидела тебя всей душой, Коррадо! И не могу перестать ненавидеть даже сегодня... ты – воплощение моего позора!

– Это глаза Надиры – воплощение позора, я уверен, что подозрение, откуда у нее такой странный цвет глаз, возникло у всех в рабаде.

– Но твои сородичи есть исток этого позора... а до подозрений мне никогда дела не было.

Коррадо набрался храбрости и взглянул ей в глаза, он увидел, что она дрожит и плачет.

⁵⁸ Шайтан – в арабском языке наименование черта; Сатана.

– Джаля, госпожа моя, послушай! Твой позор... как будто это я носил его на себе все долгие годы. Наверное то, что я потерял своих сородичей, что заблудился здесь в горах, и есть расплата, которой меня покарали за то, что случилось с тобой.

– Расскажи, что говорил чужак, сынок, и не будем больше об этом вспоминать... Но не требуй от меня невыполнимых условий, иначе мне остается только броситься тебе в ноги, и думаю, что Умару это не понравится. Сделаю, что могу, чтобы помочь твоей семье, но не ставь это условием за слова, которые таишь.

– У меня перед глазами сейчас стоит то лучшее, что есть в Надире, чистой душой и ни в чем не виноватой. Ладно, расскажу тебе все, но ты должна верить мне, потому что то, что я сейчас скажу, может показаться нелепицей.

– Ты наверняка знаешь, кто украл мою дочь! – воскликнула она, невольно ухватив Коррадо за руку.

– Каид солгал вам: выкуп за Надиру никто просить не будет.

– Зачем тогда ее украли? Ведь знают, что она суженная Али ибн аль-Хавваса, вот и задумали подзаработать.

– Каид отлично знает кто и зачем ее украл... и знает, как ее освободить.

– Так зачем ему лгать нам?

– Потому что он никогда не выполнит требования похитителя; не может выполнить, потому что это значит предать свой собственный род.

Джаля всхлипнула и встряхнула Коррадо за руку:

– Ну же; что он тебе сказал?

– Тот, кто украл ее, кого вы упрямо зовете Салимом, есть не кто иной, как Мухаммад ибн ат-Тумна, каид Катании и Сиракуз, а отдаст он Надиру только, если Ибн аль-Хаввас вернет ему жену. Меня оставили в живых, чтобы я передал это каиду, но он и без меня все прекрасно знает, а знает потому, что тем вечером Ибн ат-Тумна спустился в рабод из Каср-Йанны, где шурин отказался уважить его требование отдать жену.

Джаля об этом противостоянии отлично знала, Маймуна сама рассказывала ей. При воспоминании, как решительно Маймуна отказывается вернуться к мужу, даже если никогда больше не увидит детей, у Джали вырвался крик отчаяния.

Разговор закончился, Коррадо рассказал все, что знал, он повернулся и зашагал к своей палатке. А на город опускался тот своеобразный туман, который часто обволакивает гору Каср-Йанна, скрывая слезы настоящего и гнетущие воспоминания прошлого.

Глава 14

Конец лета 1040 (431 год хиджры), земли центральной Сицилии

Невозможно удержать воедино стадо, если пастух нещадно колотит своих овец... будешь молотить по горшку, он развалится. И так, когда Гильом де Готвиль созывал своих людей, возглавлявших подразделения, чтобы решить, что делать, Георгий Маниак, перейдя все разумные границы, изливал приступы ярости на своих подчиненных. Военный талант Маниака был неоспорим, но характер оставлял желать лучшего. Истинно же то, что норова не утаишь, даже если добрая молва и слава скрывают действительность, завесив ее пеленой героизма и легенд. Маниака восхваляли сицилийские христиане, так как он виделся им освободителем, и солдатня, потому что боялась его, но на самом деле, как человеку, была ему грош цена. Так, сначала он настроил против себя лангобарда Ардуина, а потом и вовсе не по одежке протянул ножки, напав на Стефана Калафата и обвинив его аж в измене. Но против нерадивого адмирала, шурина императора, которому благоволила сама императрица Зоя – а империей по сути правила она – Маниак мало что мог сделать.

Ардуин принял мудрое решение, он мирно освободился от своих обязательств перед Маниаком, хотя и замыслил отплатить ему при случае; нормандцы и варяги, как и предполагалось, последовали за ним.

Стефан же, опираясь на влиятельные связи, уведомил двор и обвинил Маниака в намерении прибрать к рукам всю Сицилию. Стратига взяли под арест и увезли в Константинополь, но до этого Маниак выкрал мощи святой Агаты и отправил их в качестве добычи в великий град, которому служил, в надежде доказать, что обвинения Стефана ложны, и что никакие завоеванные богатства не могут заменить верности императору. Эту шутку жители Катании Константинополю никогда не простят.

Командование военными действиями на суше перешло в руки именно Стефана, это объясняет, почему поход против сицилийских мавров неуклонно покатился к провалу. Первым делом Стефан надумал разгромить в битве контингенты изменников, вспомогательные войска, так как самонадеянно решил, что победит в стычке, на которую не осмеливался даже Маниак... и в сражении его настигла смерть.

Разгромленная и сбита с толку регулярная армия из ромейских провинций Южной Италии все еще находилась на Сицилии, и лангобарды с нормандцами решили нанести империи удар в Калабрии и в Апулии, застав нового противника врасплох.

Как раз в те дни, прежде чем окончательно уплыть за пролив, солдаты Гильома решили нахапать как можно больше добра каждый себе и поскакали грабить сицилийские деревни направо и налево. Разделились на банды человек по двадцать-тридцать, и отряды ринулись туда, где считали, что поживиться сокровищами будет относительно легко, не делая различий между приверженцами ислама и христианами, когда шкурка выделки стоила.

Танкред предложил напасть на незащищенные селения сарацин, стоявшие чуть к востоку от Каср-Ианны. Войско Абдуллы было разгромлено, и Рауль, Танкред, Жоффруа, маленький Конрад, а с ними еще человек тридцать, отправились в самую середину Сицилии, рассчитывали налететь внезапно, без труда нанести молниеносный удар и ускакать к востоку, они даже доспехов не надели.

Конрад никак не отставал от Рауля с просьбами научить его сражаться, и тот тренировал мальчика строго, как может упражнять только искусный нормандский воин. Но больше всего Рауль науськал сердце Конрада, воспламенив его лютой ненавистью к врагу. Теперь Конрад как никогда жаждал отомстить за отца и готов был убить любого, кто окажется перед ним. Все

предыдущие недели каждый раз, когда им встречался сарацин, мальчик просил своего учителя отдать мавра ему, но Рауль все время повторял, что гнев надо проявлять только в битве, и что глупо не уметь поддерживать дисциплину во время перемирия.

Сейчас отряд залег на гребне землястого холма, бандиты выглядывали, рассматривая деревню. Наступил полдень, и солнце начинало бить в глаза. Деревня стояла у самого подножия горы Каср-Йанна. Сбоку от небольшой возвышенности, на которой стояла деревня, в долину стекала речушка, несколько норий поднимало воду, которая лилась в каналы на верхних полях. Деревню со всех сторон окружали десятки наделов, на которых крестьяне выращивали овощи. Еще дальше начинались поля, засаженные пшеницей, тысячи гектаров зерна уходили за горизонт. Теперь у банды нормандцев за спиной остались наделы, а перед ними простиралась поля.

– Солнце так и бьет в глаза, они нас в один миг заметят, как только спустимся с холма, – отметил Танкред.

– Вон глянь! – сказал Рауль и указал на Каср-Йанну на вершине горы. – Долго ждать не придется, солнце скоро опустится за хребет. Нападем, когда их дозорным трудно будет нас увидеть, – договорил он.

– Сомневаюсь, что этот сброд деревенщин выставил дозорных, – сказал Жоффруа.

– Да им и охранять-то нечего... – добавил кто-то из бандитов.

– Нет, брат, просто они чувствуют себя в безопасности. Золото у них наверняка лежит в церкви... вон там, в той мечети, – объяснил Рауль.

– На закате мужики вернутся с полей... надо напасть раньше! – предложил Танкред.

– Что, рогатин испугался... – подтрунил над ним Рауль.

– Я вас прикрою, – выдал Конрад, зашептав на ухо бугаю.

Рауль расхохотался, грохнули смехом и остальные.

– Ты, сопляк, сиди тут и присматривай за конями!

Конрад оглянулся на лошадей у подножия холма.

– Я вас уже сколько недель прошу дать мне отомстить за отца.

– Когда придет твой черед, моего разрешения не понадобится. А тут вдруг нагрянет конокрад, и тебе придется лошадей отбивать.

– Одному отбивать?

Рауль заржал еще пуще.

– Ты в штаны навалил от мысли, что останешься один с лошадьми, а еще хочешь бежать грабить деревню?

Конрад надулся на себя самого, хохот опекуна казался ему унижительным.

– Солнце заходит, братва; за оружие!

Молча, проворно побежали вниз по склону, который вел к деревне. Вскоре Конрад остался один в тишине поры, предвещающей закат. Прошло сколько-то минут, и неожиданно по долине разнесся громкий, мелодичный зов муэдзина; Рауль с нападавшими на миг замер на месте, банда спряталась, пригнувшись за большими камнями. Но бандиты тотчас снова побежали, хотели напасть на крестьян во время молитвы, когда те склонят головы, а мужчины, возвращавшиеся с полей, остановятся помолиться. Муэдзин еще не закончил зов, а бандиты снова бежали по склону.

Конрад взглядом следил за фигурой Рауля, его видно было лучше других, от нетерпения, от нервирующего ожидания мальчик грыз ногти.

Средь холмов на востоке раздался вой; это волк завыл на медленно проступавшую в небо луну. Конрад долго раздумывать не стал, он тоже бросился со всех ног вниз по склону к лежавшей перед ним на низеньком взгорье деревне. В руках он вздымал обнаженный меч, Конрад всеми силами старался удержать его над головой обеими руками, потому как, если бы он вложил меч в ножны, тот тащился бы за ним по земле.

Конрад еще не добежал до деревни, как услышал душераздирающие крики женщин; он знал, что присоединится к друзьям отца, если будет бежать точно на крики. Когда оказался на деревенской улице, он попал в визжащий и орущий переполох, разбежались охваченные ужасом женщины и спешили схорониться в домах. Конрад увидел Жоффруа, тот пинком вышибал дверь и выволакивал из дома беззубого старика. Конрад снова побежал, но теперь не знал куда, он был уверен, что рано или поздно натолкнется на Рауля. По пути ему попались трупы убитых мужчин, наверняка они попытались уберечь от грабителей женщин, прикрыв их собственными телами. Конрад прибежал сражаться в битве, но несмотря на то, что видел многих убежавших в страхе сарацин, замахнуться на них мечом у него не было храбрости. Он решил, что сначала найдет Рауля, а биться станет потом.

Из одного окна, перекрывая прочие звуки, слышались ужасающие вопли какой-то женщины, от этого крика Конраду стало жутко. Он увидел, как около мечети стоит несколько плачущих девушек, волосы у них растрепаны, платья разорваны. Танкред переходит от одной к другой и собирает сережки, браслеты, кольца и бусы. Конрад и раньше видел женщин в таком состоянии: их, как скот, увозили на телегах на рынок рабов; и когда Конрад увидел, что Танкред связывает руки и этим девушкам, он подумал, что бандиты думают увести их в собой в рабство. Тем временем, из крыши мечети повалили дым, во дворе напротив мечети один из грабителей хладнокровно и безучастно перерезал какому-то старику горло и бросил тело в бассейн для омовений.

Наконец из узкой улочки Конрад выбежал на широкое место, доступ сюда обозначался каменной кладкой, а в глубине стоял большой дом. Грабители уже вломились в дом, из двери выходил солдат, на плече он волок что-то вроде тюка, на каждом шагу у солдата в тюке позвякивало что-то железное. Другой солдат тащил в охапке множество отрезков тканей и недорогую одежду. Солдаты побросали ношу в стоявшую во дворе телегу.

Наконец, Конрад завидел Рауля, тот обогнул дом, идя на зады.

– Рауль! – завопил Конрад.

Но Железный Кулак уже скрылся за домом.

Конрад побежал за ним, когда свернул за угол, он увидел, что дверь конюшни приоткрыта, Рауля не было, Конрад подумал, что он в конюшне.

– Я так и знал, что ты сюда побежала! – послышался голос Рауля, но Конрад никак не мог разглядеть с кем он говорил.

Мальчик тихонько припал к составленным в углу доскам, присел на корточки у ног мула и стал наблюдать, ему было любопытно, как Рауль воет.

В противоположном углу конюшни сжалась в комочек молодая женщина, она дрожала как лист.

– Где золото? – спрашивал у нее Рауль.

Но женщина только и делала, что жалась к стене из сухой кладки, в глазах ее читался ужас, а кроме того, языка грабителей она не понимала. Глаза Конрада, тем временем, привыкли к сгущавшейся полутьме заката, света, который проникал через чердачные оконца, ему хватало.

– Ну, где деньги прячете? – прорычал вопрос Рауль и ударил женщину по лицу с такой силой, что она отлетела на лежавшие рядом связки сена.

– Понимаешь, что я говорю?

Женщина отползла на ворох сена, она лепетала что-то непонятное, наверняка говорила на своем языке.

Рауль больше ничего не спрашивал, и как только она бросилась прочь, пытаясь убежать, он схватил ее за руку, а потом за бедра. Конрад невольно зажмурился, когда увидел, как Рауль навалился всем телом на несчастную женщину, которая ростиком доходила насильнику чуть выше желудка. Конрад увидел оголенные ноги и бедра женщины и закрыл глаза ладонями.

Раскрыл в ужасе рот, когда услышал нечеловеческие, животные крики женщины. И был рад, когда крики стали глуше, это Рауль заткнул ей рот, цинично затолкав меж зубами пучок сена, чтобы она не орала, и держал, чтобы она не выплюнула.

Как-то раз, когда Конраду было шесть лет, на лужайке в окрестностях Беневенто, он видел, как разгорячившийся жеребец покрывал бедную старую хроющую кобылу. Ему стало жалко несчастную лошадку, которая не могла вывернуться от хватки более сильного. Теперь Конраду было страшно и жалко женщину, приглушенные стоны и визг которой походили на завывание невиданного зверя, которого режут на скотобойне.

Какое-то время спустя, женщина будто смирилась с произволом своего насильника, склонила голову набок в сторону, где прятался Конрад. Только тогда мальчик смог разглядеть ее в лицо. Женщина была красивая, арабские очертания скул, прекрасные глаза. Он заметил, что она прищурилась, как будто всматривалась в мальчика, притихшего у ног мула. Женщина заметила его, в этом Конрад был уверен. Взгляд женщины пересек расстояние, отделявшее ее от Конрада... этот взгляд неотвратимо сплел воедино их судьбы, их жизни.

Рауль, тем временем, закончил дело, поднялся на ноги и натянул штаны. До этого Конрад искал Рауля, но теперь он боялся показываться ему на глаза, мальчик сгорал от стыда, что своим присутствием нарушил интимность такого мерзкого акта. Кроме того, женщина, тяжело дыша, смотрела в его сторону, это еще больше заставило Конрада спрятаться, чтобы его не видели. И так, когда Рауль выходил, Конрад залез еще глубже за приставленные к стене доски.

– Из Каср-Йанны гарнизон подоспел! – прокричал кто-то на улице, Конраду показалось, что это был голос Танкреда.

Послышалось, как по всей деревне бешено залязгало железо, голоса смешались в один рев, слов разобрать было невозможно. Но женщина в этом реве как будто что-то поняла, она вскочила и с криком бросилась к двери:

– Фуад!

Конрад сжался в комочек в своем укрытии, его била дрожь. На этот раз на улице развернулась настоящая сеча: звенели клинки, кричали сражавшиеся, слышался топот пробегавших ног. Но вот голоса, которые слышались по ту сторону стены конюшни, стали говорить по-арабски, только по-арабски.

Конрад подумал, что Рауль уходит, он вышел из укрытия, подкрался к двери и выглянул наружу. Людей было много, все одеты в восточные платья свободного покроя, в какие одеваются приверженцы ислама. Многие бежали с мечами в руках вдоль улицы в сторону долины, наверняка гнались за бандитами; другие стояли во дворе перед домом.

Конрад опять юркнул за доски в надежде, что в наступавшей темноте никто его не заметит. Он боялся той женщины, ведь она видела его, но верил, что Рауль вернется за ним, когда увидит, что его нет. Он не понимал, что присутствие гарнизона, который вышиб сброд нормандцев из деревни, сводит на нет всякие планы по спасению. А к тому же, Рауль не знал, что искать мальчика надо в деревне. Конрад был всего лишь мальчишкой, а мальчишки зачастую думают, что взрослые способны разрешить любые трудности... Конрад повзрослел за одну ночь, когда на голову ему свалилась действительность со всеми ее пределами и разочарованиями.

Прошло больше часа, и в конюшню кто-то вошел, он держал в руке светильник. Конрад услышал разговор; наверняка вошедших было двое. Один подошел к доскам, другой, тем временем, всматривал что-то в другом конце конюшни. Ясно, что кого-то ищут, и Конрад направил острие меча к проему между досками, он боялся, что женщина рассказала про него. Огонь светильника подходил все ближе; Конрад будто ощутил исходившее от него тепло. В проеме мелькнуло и высветилось лицо мужчины... взгляды их впервые встретились, он пристально смотрел в глаза мальчику. Шли нескончаемые секунды, Конрад сидел с мечом наготове, муж-

чина с саблей на корточках у проема. Конрад не сомневался, что его убьют или поймают и продадут кому-нибудь в рабство.

Наконец, мужчина вложил саблю в ножны и ушел как ни в чем не бывало. Конрад облегченно вздохнул; он что, и вправду его не заметил?

Теперь, едва наступит ночь, и голоса стихнут, Конрад попытается убежать. Долгие часы он сидел в темноте и ждал; наконец, слышался только ослиный рев. Конрад решился, но как только он высунул из конюшни нос, неведомая сила, намного сильнее его, схватила Конрада и втолкнула назад в конюшню. Меч выпал у него из рук, мужчина, с которым он несколько часов назад встретился взглядом, зажал ему рот и толкнул спиной к стене. Конрад извивался как червь, укусил мужчину в руку, поцарапал лицо, пока тот не вклепил ему пару увесистых затрепанных, и Конрад стих. Мужчина был ненамного выше мальчика, но сила взрослого значительно превосходила силенки Конрада. И когда Конрад от последней затрепанный съезжил на полу у стены, мужчина набросил ему на плечи бурнус и жестом приказал натянуть на голову капюшон. Только тогда Конрад разглядел в лице мужчины сострадание, мужчина понял: дела сложились так, что выпутаться в одиночку его юному врагу не под силу. Конрад закутался в бурнус, мужчина положил ему на плечо руку и вывел из конюшни. Они прошли по деревенским улицам, тщательно глядя в землю, выбирая самые темные переулки, чтобы их не заметили.

В стену дома, в котором жил мужчина, был вделан лик Богородицы, на пороге их ждала женщина и оглядывалась по сторонам в тревоге, как бы кто ни увидел мужчину с мальчиком. Ведь среди солдат гарнизона, которые несколько часов назад отбили налет нормандских бандитов и не дали похитить женщин и еще больше разграбить дома, ни один не спал, все стояли на въезде в деревню, около домов, ходили по главным улицам, опасались, что грабители вернуться. Именно мужчины, которые работали в полях и пасли коз, и про рогадины которых столь пренебрежительно отозвался Рауль, подняли тревогу и оповестили гарнизон Каср-Ианны, а потом вернулись, тоже взялись за мечи и бросились бить нормандцев.

Конрада усадили на табуретку. По обстановке в доме можно было понять социальное положение хозяев... христиане... бедные христиане, живущие в подчинении у хозяина-сарацина. Мальчик растерянно обводил глазами стены и мебелишку, но понимал, что людям, приютившим его у себя дома, можно доверять.

– Алфей, – произнес глава семьи и ткнул пальцем себе в грудь.

Потом положил руку на головку стоявшему рядом мальчонке примерно того же возраста, что и Конрад, и сказал:

– Микеле.

Потом указал на жену:

– Катерина.

И наконец, ковыляя на нетвердых ножках, подошла к Конраду девчушка годиков не больше двух и дернула его за полу туники.

– Аполлония, – закончил представлять отец.

В ответ Конрад, когда ему сделали знак представиться, недоверчиво потрянул головой и опустил глаза.

Накинув на чужого мальчика сыновний бурнус, Алфей провел Конрада в дом, но теперь надо было, чтобы жители деревни не заподозрили, что мальчик пришел вместе с бандитами.

Прошел год, весь год Конрад безвыходно просидел в доме, за это время лица солдат, напавших когда-то на деревню, забылись.

Поначалу Конрад чувствовал себя пленником, узником этих людей, языка и уклада жизни которых не понимал, но со временем ласки Катерины, ее материнская привязанность, дружба с Микеле и устоявшееся течение дней смягчили его сердце и навсегда привязали к этому дому, и новое имя его было созвучно со старым, родным именем, непривычным для этих мест.

И все-таки черты лица Конрада слишком отличались от местных, поэтому Алфей сочинил байку, будто где-то далеко в горах в иклиме Демоны у него жил племянник, сын сестры, по-арабски он не говорил, после войны остался сиротой, вот Алфей и взял его к себе на воспитание как сына. Лишь один человек вздрогнул, когда впервые увидел усыновленного мальчика на деревенской улице – та женщина, которая столкнулась с ним на исходе лета 1040 года; женщину звали Джаля, а на руках она держала девочку с изумительными глазами.

Часть II – Война кайдов

Глава 15

Начало 1061 года (452 года хиджры), в стенах Каср-Йанны

Одним январским утром, когда туман рассеялся, глянув между зубцами стен Каср-Йанны, дозорный вынужден был ухватиться за камень, чтобы не свалиться вниз от головокружения. На холмах к востоку от горы чуть дальше рабада Мухаммад ибн ат-Тумна разместил свое войско. Каид Катании был самым могущественным и влиятельным повелителем на всей Сицилии; поэтому не удивительно, что его армия превосходила все предположения. Тогда как Ибн аль-Хаввас мог рассчитывать на поддержку народа, которым он правил, на коренных жителей, принявших ислам, и на обратившихся к земледелию выходцев из племен берберов, Ибн ат-Тумну поддерживала арабская высокопоставленная знать, а через нее и вассалы каждого из примкнувших к нему оптиматов; его поддерживала даже балармская гема⁵⁹ – собрание дворян города. В этой ситуации Демагог не мог рассчитывать на подмогу со стороны, а лишь на помощь своего народа, который все также благоволил ему.

В прошлом месяце Умар несколько раз просил каида принять его, и каид снова и снова заверял Умара, что сделает все, чтобы вернуть назад свою прекрасную будущую жену. Но теперь Ибн ат-Тумна решил осадить город, и было ясно без всяких сомнений, что дипломатия потерпела провал. Было ясно, что Али никогда не исполнит требования Мухаммада вернуть ему Маймуну.

⁵⁹ Гема – городское собрание, включавшее самых выдающихся горожан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.